

Эдуард Косарев

ИДЕОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

Эдуард Косарев

Идеология будущего

Ярославль
2025

Косарев Э. Ю.

Идеология будущего. / Э. Ю. Косарев; — Ярославль: 2025,— 65 с.:

ил.

ISBN 978-5-6053040-1-2

В этом кратком сочинении автор определяет понятие идеологии, рассматривает её происхождение, внутреннюю структуру, влияние на жизнь и развитие общества.

Данная электронная книга распространяется бесплатно. Разрешается полное или частичное копирование текста, цитирование, распечатка и распространение, за исключением тех случаев, когда вышеупомянутые действия осуществляются с целью получения какой бы то ни было прибыли. При использовании текста указание авторства обязательно.

ISBN 978-5-6053040-1-2

© Косарев Эдуард Юрьевич, 2025

© Оформление и иллюстрации.

Косарев Эдуард Юрьевич, 2025

I

Будущее проницаемо мысленно только как следствие некоей закономерности. Мы, например, твёрдо знаем, что весна всякий раз наступает вслед за зимой, и это явление природы, неизменно повторяющееся год за годом, даёт нам надёжное основание для того, чтобы ждать весны в марте точно так же, как лета – в июне, а осени – в сентябре. Регулярная смена сезонов представляет собой издавна усвоенный человеком эмпирический закон, определяющий хозяйство, культуру и быт народов. Данность довлеет здесь как источник реального опыта – надисторического, сверхвременного, и будущее приоткрывается в нём как бесконечное продолжение непрерывного природного цикла.

В историческом развитии человеческих обществ тоже, по-видимому, наблюдаются свои закономерности и даже циклы, состоящие из сравнительно устойчивых состояний и переходов. Но характер этих закономерностей весьма далёк от универсальности, логика их не всегда ясна. Все процессы текут здесь подспудно, оставаясь в тени и лишь отчасти угадываясь в чередовании самых различных, часто не связанных между собою внешне событий и происшествий. До сих пор остаётся открытым вопрос, есть ли вообще у истории собственные законы, и нельзя ли как-нибудь свести их к законам статистики, экономики, социологии, демографии, втиснуть в прокрустово ложе какой-нибудь математической модели, вроде клиодинамики и пр. В связи с этим прогнозирование будущего в сугубо историческом контексте приобрело дурную славу, многократно оправданную прежними неудачами. Необходимые закономерности, на которые можно было бы опереться, спроецировав их вперёд, здесь либо отсутствуют, либо подвергаются сомнению. Вместо них приходится оперировать тенденциями, прибегать к аналогиям и даже задейство-

вать интуицию. Когда дело касается анализа прошлого, всё это может играть далеко не последнюю роль, так как *чувство истории* свойственно каждому человеку, живущему в ней как рыба в воде. Но в роли предикторов даже самые гениальные интуиции способны рождать лишь догадки.

Для оценки подобных догадок нужен какой-то критерий, а лучше – набор критериев, с помощью которых мы получили бы возможность с ходу отсеивать всё заведомо ложное и маловероятное. Базовые ограничители такого рода обычно заимствуются науками из логики или математики, но в нашем случае, когда речь идёт о движении макросистем во времени, гораздо более пригодными кажутся фундаментальные параметры из области классической физики. Перефразируя некоторые из её основных законов, попробуем вывести ряд условий, от соблюдения которых будет зависеть степень вероятности того или иного исторического прогноза.

1. Прошлое не повторяется. Возврат к состоянию, существовавшему прежде, невозможен.

Хотя в истории известны примеры реакции, попыток реставрации существовавших некогда порядков, это движение всё же нельзя назвать ретроградным. Оно начинается после слома, необратимо преобразовавшего общественную материю. Новая конфигурация социальной системы не может быть полностью идентична старой, утраченной безвозвратно. Вместо скрупулёзного восстановления прежнего во всех его мельчайших деталях, происходит постепенная адаптация, приспособление старого к новому, так что от старого вскоре не остаётся ничего, кроме названий и может быть ещё каких-нибудь чисто внешних атрибутов, наполненных сильно изменившимся смыслом и содержанием.

2. Новое всегда рождается из старого как его модификация.

В процессе развития общества это выражается вынужденной преемственностью поколений, которые должны наследовать всё то, что было до них в том виде, который сложился до них. В процессе своей жизнедеятельности потомки изменяют и дополняют полученное наследство, после чего передают его дальше для дальнейшего видоизменения. За каждым новым изобретением стоит какая-то старая проблема и долгий опыт попыток её решения тем или иным доступным для данного времени способом. Истинное творение чего-то из ничего – удел природы или божества. Человеческое созидание всегда есть не более чем преобразование.

3. Природные системы иерархичны. Всякий объект выступает как элемент в составе объекта более высокого ранга.

Ядра атомов состоят из элементарных частиц, молекулы строятся из атомов, вещества слагаются из молекул. Характер и взаимная конфигу-

рация компонентов определяют физические свойства целого на каждом из этих уровней.

Данный принцип, заложенный в природе вещей, должен быть применим и к истории. Он позволяет связывать воедино процессы, протекающие в ней, не с точки зрения их временной причинности (*детерминизма*), а исходя из чисто иерархической соподчинённости тех или иных явлений общественной жизни, существующих вместе на протяжении длительного периода времени: традиций, укладов, порядков, институтов, учреждений и т. п. Обнаружение и логическое обоснование подобных связей даёт исследователю теоретическую возможность отбросить всё лишнее, не принадлежащее к изучаемой системе, внешнее ей.

Так, например, ленная организация землевладения входит в число ключевых элементов феодального строя. Она во многом определяет характер экономики, присущей феодализму. Целое (феодализм) очевидно и необходимо зависит от своего компонента (ленной системы), определяется им. Вне этой связи то и другое немислимо. И явно лишним, внешним и невозможным будет выглядеть здесь, скажем, коммерческий рынок земли и соответствующие ему механизмы регулирования земельных отношений.

На этих-то трёх чрезвычайно общих принципах и будет строиться то подобие метода, с помощью которого мы надеемся придать исторически-интуитивным догадкам о будущем некоторый налёт правдоподобия.

Для начала, однако, следует дать определение объекту прогнозирования – идеологии, установить, применим ли к ней вышеописанный метод и работает ли он в ретроспективе. Другими словами, нам нужно создать воображаемую модель временных идеологических трансформаций, которую, с некоторыми оговорками, можно было бы спроецировать в будущее.

II

Идеология есть некая социально необходимая духовная связь между членами общества, дающая им общую цель и общие жизненные ценности нематериального плана.

Сугубо материальные ценности и стремления, ведущие к достижению конкретных материалистических целей, обладают чрезвычайно низким объединяющим потенциалом. Всё, что так или иначе имеет отношение к собственности, разобщает людей. Общее дело, требующее от человека героизма, бескорыстия, жертвенности, добровольного преданного служения, должно быть обосновано духовно. Подлинная идеология необ-

ходимо подразумевает *акт веры* со стороны всех своих приверженцев. Поэтому всякая развитая религия есть прежде всего идеология.

Из совпадения частных корыстных интересов, выраженных в какой-нибудь доктрине, программе, а то и вовсе никак не оформленных вербально, могут вырасти только *псевдоидеологии*, консолидирующие правящие классы, отдельные партии, узкие общественные течения и прослойки, но не народ. В качестве примера таких суррогатных идеологических систем можно привести коррупцию – наиболее часто встречающуюся государственную псевдоидеологию нашего времени, а также колониализм старого и нового образца, неоконсерватизм, криптоанархизм и пр.

Теперь, выяснив или, по крайней мере, обозначив суть истинной идеологии, давайте попробуем применить к ней тот список критериев, на которых основывается наш метод. Является ли она, во-первых, частью какой-либо мыслимой иерархической системы духовного порядка? Безусловно! Само её вербальное обозначение, сам термин говорит об этом. Слово «идеология» в буквальном переводе с греческого означает «учение об идее». Стало быть, идею необходимо рассматривать как некий базовый уровень, включающий в себя или наоборот порождающий собой подуровень идеологических интерпретаций.

Понятие *идеи* мыслится здесь в духе Фихте как главнейшая цель существования человека, определяющая его наивысшее экзистенциальное предназначение. Она настолько конкретна, насколько вообще может обладать конкретностью чисто умозрительная концепция. Связь её с чувственным миром лежит через волевое преобразование человеком природы, общества и самой личности во имя достижения такого состояния вещей, которое наиболее полно согласуется с осознаваемой духовной целью.

Идеология выполняет при идее служебную роль, состоящую в ясном формулировании целей, в их обосновании, в создании практической стратегии реализации намеченных задач. В силу своей многоукладности и сложности она неизбежно распадается на идеологемы, каждая из которых в свою очередь делится на фразы, смысловые блоки, постулаты, к которым может прилагаться более или менее обширный корпус комментариев. Но и это ещё не последний уровень идеологической иерархии. Учение, дух и характер идеологии органически входят в дух и традиции народа. Поэтому многие материальные проявления культуры, особенно в сфере искусства, несут на себе неизгладимый отпечаток идеологического влияния. Это происходит даже в тех случаях, когда идеология не сформулирована эксплицитно, например, при отсутствии письменности. Все без исключения религиозные памятники, все объекты культа,

включая древнейшие, доисторические, представляют собой идеологические символы, имплицитно доступные пониманию носителей идеологизированного сознания.

От идеи – к учению о ней, от учения – к служению, от служения – к символам и от символов – к традициям повседневной жизни, духовный процесс эманации идей в русле идеологии протекает непрерывно и многоступенчато. Особенно это касается мировых, общечеловеческих идей, стоящих над национальными культурами. Все они в свою очередь сходятся к единому центру, к некоей первичной идее смысла бытия, которая сама по себе неопределима и может быть выражена лишь приблизительно при помощи такого открытого ряда партонимов, как счастье, свобода, гармония, вечность, совершенство, истина, добро, красота, любовь... Соединяющая их в себе протоидея или *идея первого порядка*, по-видимому, универсальна для всех культур и цивилизаций. Но она не первична по отношению к ним. Её возникновение было связано с необходимостью прочной организации общественной жизни. Племена, союзы племён, а потом и народы, слитые в государства, издавна нуждались в ней для придания разнородному, быстро растущему населению единомыслия и сплочённости, недостижимой какими бы то ни было иными способами.

Добровольное единение людей возможно лишь при наличии общей цели, общих интересов. Целью первобытного племени было коллективное выживание и связанное с ним продолжение рода. Той же цели в конечном счёте служили позднее и члены союзов племён, без конца враждовавших между собой в борьбе за жизненное пространство и ресурсы. На этой ступени развития общества люди ещё не нуждались в центральной идее духовного плана. Их мышление было тогда ещё полностью предметным как в светской, так и в религиозной сфере жизни. Лояльность носила характер взаимной преданности роду, друг другу и племенным богам. Правда, уже тогда обозначилось различие двух миров: внешнего (сакрального) мира природы и внутреннего (профанного) мира человека. Но почитание тотемов или духов ещё не равнялось служению им. Жертва приносилась божеству как плата за помощь в делах или как дань уважения в виде доли добычи, равной долям других членов группы. Бог-покровитель не был чужим, далёким, непостижимо бесплотным существом. Он воспринимался скорее как общий предок, живший когда-то или продолжающий жить, воплотившись в какую-то новую форму. Его объединяющее влияние на всех членов племени оставалось глубоко интимным, семейным, родовым.

Потребность в духовной идее, далеко выходящей за узкие рамки родовых отношений, возникла значительно позже в связи с началом формирования первых государств. Горизонтально ориентированная племен-

ная иерархия стала повсюду сменяться мощной, слоистой вертикалью. Возникли разнородные, конкурирующие между собой социальные группы: сословия, классы, касты, имущественные страты и профессиональные объединения. Все они преследовали собственные корпоративные интересы, часто не совпадавшие с интересами других.

Многоуровневое расслоение патриархальных обществ сильно усложнило их внутреннюю структуру. Возник очень хрупкий, постоянно меняющийся баланс социальных сил. От его сохранения зависело благоденствие, порядок и безопасность всего населения государства. В этих условиях грубое физическое насилие уже не могло оставаться единственным универсальным средством контроля. Принуждение сделалось союзником убеждения, а впоследствии и его слугой. Право силы, некогда абсолютное и непререкаемое, стало нуждаться в идеологической санкции, без которой оно превратилось в *lex iniusta*.

Довольно скоро военные столкновения нарождающихся держав привели к тому, что некоторые из них исчезли, в то время как другие утвердились и окрепли. Те, что выжили, очевидно имели преимущества над соседями. Военная мощь централизованного государства античности как правило отражала его экономическую мощь. Без накопленных обществом значительных материальных ресурсов было немыслимо строительство надёжных укреплений и снабжение гарнизонов, содержание профессиональных армий и быстрый сбор народных ополчений, устройство arsenалов и стратегических запасов провианта. И всё же в основе военных достижений лежала не только экономика. Без добровольного участия всех слоёв общества в укреплении обороноспособности государства, без инициативы снизу, без готовности всякого умереть за общее дело не бывает победы над врагом. Плохо то войско, что воюет ради денег или ещё того хуже – из-под палки. Силе подчиняются, денег алчут. Одной лишь идее люди готовы служить бескорыстно, без малейшего принуждения.

Все древнейшие государства, которым удалось защитить себя от врагов, пережить расцвет и создать свою неповторимую цивилизацию, сделали это во многом благодаря идеологии. Духовная идея как центр мировоззренческого горизонта родилась в сознании древних народов из насущной потребности отстоять свой культурный суверенитет всеми возможными средствами, как мирными, так и военными. Её становление шло поэтапно. Первоначально она, в полном соответствии с нашим *вторым критерием*, представляла собой усложнённую модификацию прежних родово-общинных религиозных верований. Со временем, однако, из неё выросли вполне оригинальные мифологические конструкции, положившие начало сложным системам взглядов, именуемым ныне весьма обобщённо *политеизмом*. До сих пор ещё пленяющие наше воображе-

ние античные мифы, корни которых уходят в далёкое прошлое, выросли из племенных преданий, возвеличивавших и одухотворявших родовых божеств. Слияние народов в государства, а затем в империи, способствовало широкому распространению местных культов, в особенности тех из них, которые могли похвастаться развитым комплексом обрядов, легенд и традиций. Все эти вербальные и невербальные символы веры, собственно, и составляли тот костяк, вокруг которого начала создаваться система мифов, ставшая первым в истории эксплицитно сформулированным набором *служебных идей*, превративших религию в идеологию. Постепенная канонизация мифологических сюжетов в различных культурах окончательно закрепила этот переход.

Политеизм с его богатым разнообразием героев и богов, открытым пантеоном, слабой связью отдельных культов или вообще отсутствием всякой связи между ними, с внутренне присущей данному типу мировоззрения веротерпимостью, кажется нам сегодня мало подходящим для того, чтобы объединять широкие массы людей. Если каждый служит собственному богу, то в чём же тогда состоит объединяющая сила такого служения?

Действительно, без идеологического влияния классический политеизм скорее способствовал бы разобщению людей, нежели их сплочению. Именно здесь и проявляется с наибольшей очевидностью та чрезвычайно важная, можно сказать ключевая интегрирующая роль идеологии, благодаря которой чужие, посторонние друг другу люди проникаются общим мировоззрением невзирая даже на то, что служат они различным богам. Единство их взглядов определяется не обрядом и культом, а сходной для всех иерархией идей. Идеология становится главным источником личной идентичности. Она создаёт у своих носителей чувство причастности к некоей широкой, но всё же вполне определённой общности людей, пусть и не родственных по крови, но разделяющих сходные убеждения. Кровное родство становится как бы прообразом и моделью для родства духовного, основанного на присущем каждому члену группы тождестве самосознания. Старые родовые императивы дополняются при этом императивами идеологическими.

Идеология античности, кодифицированная в мифах, позволила древним политеистическим обществам в значительной степени сгладить классовые и имущественные противоречия, неизбежно возникавшие в ходе формирования государств, а затем и империй. Власть получила непререкаемую санкцию богов – высшей инстанции, стоящей над человеком, олицетворённой с самой природой, с самим источником жизни, вечным и совершенным. Несмотря на открытый, лишённый малейшего намёка на справедливость произвол властей в отношении собственных

подданных, общество в целом всё-таки воспринималось людьми как единый организм, большая семья, живущая под эгидой некой божественной силы, отрицающей всё внешнее как чужое и чуждое. Воины шли воевать на врагов уже не только от имени царя, но и по воле народа, его богов. Их добровольное самоотверженное служение приобрело помимо родовой ещё и религиозно-идеологическую подоплёку, значительно усиливавшую личную мотивацию.

Принуждение, конечно, всё ещё оставалось главным орудием господства высших слоёв иерархии, но даже небольшое ограничение его в пользу более мягких идеологических методов управления принесло огромную пользу, освободив от тотального гнёта сверху творческую инициативу масс. В дальнейшем именно за счёт этой свободной инициативы шло накопление идейного богатства человечества, происходил его неуклонный духовный рост.

Иерархия идей, от идеи первого порядка до её материального воплощения в повседневном укладе жизни, в религии и в искусстве, на протяжении всей истории человечества оставалась практически неизменной с точки зрения её внутренней организации. Но содержание идеологий менялось непрерывно. Особенно заметные сдвиги происходили на фоне смены общественно-экономических формаций. Новый комплекс идей всегда вырастал из старого, но никогда не повторял буквально того, что было прежде ни со стороны учения, ни тем более с практической служебной стороны. Конец исторической эпохи всегда означал безвозвратный упадок господствовавшей идеологии, место которой занимала другая, более подходящая к изменившимся условиям совокупность идей. Эта вполне очевидная историческая закономерность, подтверждённая практикой множество раз, как нельзя лучше соответствует нашему *первому критерию*. Всё, однажды случившееся, уже необратимо. События, имевшее место, нельзя отменить. Время, отделяющее нас от любой отжившей идеи прошлого, плотно наполнено такими событиями, вечно сменяющимися и вечно порождающими друг друга. Каждое из них служит звеном темпоральной цепи, временного потока, несущего в себе растворённую человеческую жизнь, жизнь общества и жизнь идей. Нам никогда не выпасть из этого потока, потому что мы – его часть.

III

Идея первого порядка представляет собой нечто общее для всего человечества, некую высшую духовную универсалию, наполненную, подчас, различными смыслами, но воспринимаемую одинаково всеми

людьми независимо от их принадлежности к той или иной национальной культуре.

Суть этой идеи тесно связана с волнующими каждого человека вопросами о смысле жизни, цели бытия, с поиском истинных ценностей и твёрдых моральных основ. В материальном плане стремление к цели всегда означает нехватку чего-то, отсутствие нужного качества или количества. В духовной сфере, в сознании цель выступает как оправдание всех стремлений. Бытие само по себе не может служить таким оправданием в силу своего несовершенства. Оно недостаточно, потому что конечно. Бренность, распад и сама роковая в своей неизбежности смерть делают всякое желание бессмысленным. К чему утруждать себя, зная, что результаты любого труда очень скоро погибнут? Если служить, так уж только тому, что бессмертно. Но в мире сущностей мы не находим подобных вещей. Что-то вполне абсолютное и нетленное можно увидеть лишь мысленным взором. Разум рождает идею. Роль её заключается в том, чтобы в хаосе мира открыть имманентный ему первозданный порядок, дать прозреть очертания совершенства в несовершенных явлениях действительности. Высшая идея есть запечатлённый в душе человека неизменный остов вселенной.

Зыбкость такой идеи, её неясное оформление в представлениях людей не позволяет ей сделаться целью непосредственной, прикладной. Связь её с практической жизнью возможна только в форме опосредованной модели. Свообразным ключом к ней служит *идея второго порядка*, ставящая конкретную проблему исходя из текущего состояния мира и общества. Это состояние, всегда далёкое от гармонии, сопоставляется с совершенной моделью в виде антитезы. Из высшего – идеального, вычитается низшее – реальное в том виде, как оно существует в данном месте в данный момент. Получившаяся разница (недостача) рассматривается как материал для практических преобразований.

Идея второго порядка, таким образом, универсальна лишь в рамках ограниченной общности людей, живущих в сравнительно сходных условиях и обстоятельствах. *Территориальные пределы, внутри которых сохраняется общий консенсус коренного населения по поводу главных проблем текущего бытия, определяют границы цивилизации.* Как правило, они достаточно широки и включают в себя множество народов, живущих по соседству друг с другом и связанных культурно, экономически и, нередко, политически.

Со временем коллективное восприятие и оценка проблем меняются, суть их переосмысливается в свете постоянных перемен, происходящих в общественном укладе и хозяйственных отношениях. Случается, что отдельные народы выпадают из цивилизационного поля, в то время как

другие примыкают к нему. Идея второго порядка не статична, она развивается вслед за развитием цивилизации, проходя вместе с ней весь путь от зарождения до распада. Её формулировки подчас довольно размыты, но всё же в целом ей свойственен древний дуализм, дифференцирующий внутренний мир человека и внешнюю для него среду обитания – природу. Взаимное примирение и усовершенствование этих двух начал рассматривается в качестве главного пути к обретению общей вселенской гармонии.

Третья ступень идейной иерархии основана на концепции *служения*. Стремление к совершенству, к слиянию с бесконечностью бытия есть процесс, подразумевающий индивидуальные усилия и целенаправленную деятельность. Внутренняя душевная гармония невозможна без гармонии мировой, ибо всё в мире связано тесными узами времени. Всё, разумеется, кроме идей. Только они обещают нам избавление от тяжкого груза повседневности. Стряхнуть с себя её бремя – задача не из простых. Служение вечному означает не только сознательное пренебрежение материальной стороной жизни, но и самоотвержение. Самость подразумевает конечность. Слиться духовно с миром вечных идей можно только отринув всё бренное и преходящее, включая собственное тело и собственное «я».

Чувствуя это, человек зачастую начинает преобразовывать свой внутренний мир, выбирая путь к индивидуальному совершенству через аскезу. Это быть может наиболее очевидный, интуитивно оправданный путь, но всё же он ведёт в никуда. Жить, порвав абсолютно все связи с окружающей действительностью, невозможно. Личность не автономна хотя бы уже потому, что нуждается в воспитании. И уж тем более не автономен индивид. Он обязан каким-то образом добывать себе пищу, заботиться об убежище, о собственной безопасности, о месте в общественной иерархии и прочих не менее важных условиях и вещах. Более или менее радикальные попытки намеренно обойти всё внешнее предпринимались во все времена. Мы без труда отыщем в литературных источниках множество сведений об отшельниках, затворниках, пустынниках и столпниках, которые, разумеется, не перевелись совершенно и теперь. Однако подобные крайности иллюстрируют в дважды подчёркнутом виде лишь одну из сторон феномена служения идее, а именно – служение личное, внутреннее, индивидуальное. Для преобразования мира во всей его широте такого служения явно недостаточно. Помимо аскезы необходим ещё и подвиг, направленный вовне. Потребность в нём диктуется биологически обусловленным социальным укладом жизни людей.

Человек – существо общественное, поэтому каждому из нас приходится волей или неволей соотноситься с окружающей реальностью,

формируемой социумом. Всякая, даже самая независимая и отрешённая от мира личность испытывает сильнейшую тягу к гармонизации с обществом себе подобных. Параметры для такой гармонизации, подобно камертону, задаёт логически слитная совокупность идей третьего порядка. Она интегрирует в себе всё разнообразие индивидуальных путей, которыми каждый член общества движется к высшей духовной цели, причём не только интегрирует, но и туннелирует, направляет энергию масс в заданном направлении. Вследствие этого преобладающий характер как внешнего, так и внутреннего индивидуального служения становится доминирующим, приобретает религиозную форму, реализуемую соборно.

Претворение зарождающегося комплекса служебных идей в практическую жизнь начинается с формирования канона, декларирующего важнейшие постулаты веры – аксиоматические предпосылки, необходимые для прочного укоренения идеи второго порядка. Из них-то и произрастает в дальнейшем сложное здание служебной идеологии. И как бы она ни мыслилась её адептами: мифологически, теистически или даже материалистически, вера играет в ней центральную роль. Обосновать идею без веры невозможно.

На базе канона постепенно формируется учение, возникают обряды, регламентирующие порядок служения, формулируются принципы общественных взаимоотношений, соответствующие им нравственные нормы и правила поведения. Появляются отдельные люди, а потом и целые организации, в задачу которых входит обслуживание идеологической системы: жрецы, монашество, духовенство, политические партии и т. п. По мере развития идеологии общество становится всё более духовно однородным, что весьма облегчает взаимную гармонизацию личностей. Сплочённость людей растёт, создавая условия для повышения творческого потенциала всей социальной иерархии. Цивилизация переживает подъём, как духовный, так и материальный. Упадок и гибель идеологии напротив ведёт к социальному и цивилизационному кризису.

Раз погибнув, идеология уже не возрождается в своём первоначальном виде, но заменяется другой, основанной на той же идее второго порядка, может быть несколько видоизменённой. Периодически, хотя и довольно редко, случается также и смена самой идеи, вследствие чего все вытекающие из неё служебные идеологии постепенно отмирают. Этот процесс, как правило небыстрый, связан со сменой общественной формации. Переходя на новый качественный этап своего развития, цивилизация вынужденно отбрасывает прочь устаревшую идею. Изменившиеся социально-экономические отношения создают необходимую питательную среду для формирования обновлённого мировоззрения.

Меняются взгляды на мир, на его устройство, на место в нём человека и на идею, таящую ключ к совершенству.

И всё же определённая преемственность при смене идей второго порядка сохраняется. Это объясняется, во-первых, незыблемостью и неприступностью высшей идеи, невозможностью её пересмотра или модификации. Как следствие, все ключи к ней должны быть подобны друг другу если не по содержанию, то хотя бы по форме. Во-вторых, существует инерция культуры, которую тоже нельзя отменить, исключив совершенно все пережитки прошедших эпох. В нормальных условиях развития общества культура эволюционирует значительно медленнее экономики и хозяйства, но степень её влияния на формирование идеологии от этого ничуть не уменьшается.

В целом, опираясь на исторические сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, можно с достаточной долей уверенности заключить, что различные комплексы идей-идеологий действительно непрерывно развиваются и прогрессируют с течением времени, лишь изредка испытывая коренные переломы на смене эпох. Чтобы ещё раз убедиться в этом на конкретном примере, давайте рассмотрим вкратце основные этапы эволюции идеологической системы, выработанной так называемой Западной цивилизацией – группой народов, унаследовавших культуру древних античных государств Средиземноморья.

IV

Наиболее ранние исторические сведения об идеях, оказавших прямое и непосредственное влияние на формирование идеологии современных европейских народов, мы находим в письменных источниках Египта и Древней Греции. В период ранней Античности в этих районах были ещё чрезвычайно сильны пережитки родоплеменных первобытных верований и традиций, в полном соответствии с которыми мир представлялся как совокупность двух начал: природы и человека. В нём ненадёжно и временно, то расходясь, то снова пересекаясь, двигались вместе две хорошо различимые линии жизни. Одна заключала в себе обречённый и эфемерный внутренний мир человека, другая являлась выражением внешнего мира, прочного, вечного и неизменного.

Особенно остро это трагическое несовершенство смертного переживалось египтянами, чья очень рано возникшая идеология намного превосходила своей архаичностью традиционную идеологию греков. В течение нескольких тысячелетий вся древнеегипетская культура, включая религию, мифологию, строительство, медицину, сельское хозяйство и прочее, с поистине самоотверженным упорством стремилась к бес-

конечности потустороннего. Но вечность ещё не мыслилась египтянами в тесной связи с абстрактным понятием времени, текущего равномерно. Время представлялось им дискретным, разбитым на циклы лет, сезонов, урожаев, разливов Нила, рождений и смертей. В египетской мифологии нет ещё даже отдельного бога времени. В связи с этим отсутствует в ней и привычная нам концепция совершенства как чего-то неизменного, вечного, самодовлеющего.

Наблюдая явления природы, египтяне везде находили ритм, чередование. Поэтому совершенным для них было то, что в наилучшей степени соответствовало этому ритму. Само понятие мироздания было у них, в сущности, синонимом порядка, а порядок подразумевал раз и навсегда сложившуюся (данную свыше) темпоральную упорядоченность всех без исключения процессов. Не случайно богиня Маат, олицетворявшая в древнеегипетской мифологии мир во всей его совокупности, была ответственна за множество периодических функций, от смены времён года до ежедневного движения Солнца и годового перемещения звёзд по небосводу. Силы хаоса, сосредоточенные на том, чтобы помешать её работе, воздействовали одновременно на всё сущее, но преуспевали только в мире человека. Слабые люди не могли противостоять напору беспорядка столь же эффективно, как боги, управлявшие природой.

Таким образом, в Древнем Египте мы встречаем идеологию, в которой идея второго порядка приобретает необходимое ей напряжение благодаря противоборству двух вселенских начал: порядка и хаоса. Природа с её планомерным упорядоченным чередованием и бесконечным повтором одних и тех же естественных циклов выступает как совершенный идеал. Человек, жизнь которого единична и никогда не повторяется вновь, по крайней мере в том же виде и в той же последовательности, явно не вписывается в эту идеальную схему. Его несовершенство усугубляется ещё и тем, что он обладает свободой воли, дающей ему возможность преступать установленные обществом законы, созданные нарочно с той целью, чтобы ограничить проявления беспорядка в жизни людей. Свободный, ничем не ограниченный человек становится как бы агентом хаоса, проводником его тлетворного влияния, его потенциальным слугой. Не исключено, что подобного рода представления послужили одной из отправных точек к возникновению феномена рабства и рабовладения. Рабовладельческий строй, разумеется, тоже нуждался в идеологическом обосновании, как и всякий другой, несмотря на то что его зарождение было конечно же связано в первую очередь с чисто экономическими обстоятельствами.

Чтобы как-то противодействовать врождённой человеческой склонности к беспорядку и вообще привести людей в состояние более близ-

кое к совершенной природе, древние египтяне выработали комплексную идею служения, целью которой стало формирование особого внутреннего мира человека, соответствующего определённому набору критериев, установленных обществом. Такие критерии, разумеется, не могли быть даны произвольно и нуждались в санкциях свыше, поскольку мировоззрение, – а речь здесь шла именно о мировоззрении, – невозможно сформировать при помощи силы. Как немыслимо принудить кого бы то ни было насильно к любви и уважению, так нельзя заставить людей думать и вести себя в соответствии с интересами общества при помощи одних лишь наказаний и угроз. Необходима ещё и вера в какую-то высшую справедливость, полностью независимую от человеческой воли. Она одна в состоянии объединить внутренние интересы личности с внешними ей интересами. Вера не может быть продуктом насилия невзирая на то, что насилие часто бывает продуктом веры.

Обогатившись новой передовой идеологией, древнеегипетская религия получила мощнейший толчок для дальнейшего развития. К старому первобытному представлению о бессмертии душ присоединилось сложное учение о цикличности жизни и загробном мире. Культ предков переродился в культ мёртвых, которые, умерев, переходили на новый этап своего существования, то есть в следующий цикл, подобный циклам, наблюдаемым в природе. Новые верования были подкреплены соответствующей им религиозно-ритуальной практикой. Всюду начали строиться более или менее роскошные усыпальницы и некрополи, останки усопших бальзамировались и снабжались вещами, необходимыми в следующей жизни. Однако главным общественно-значимым результатом религиозного возрождения стало возникновение новой массовой модели мышления. В соответствии с ней жизнь человека приводилась в согласие с законами природы. В этой тщательно поддерживаемой иллюзии вселенской гармонии можно уже было разглядеть несомненные проблески идеи первого порядка. Мир оставался нерушимым до тех пор, пока всё, что в нём заключалось, продолжало подчиняться общей динамике циклов.

В древней Элладе не было ничего похожего на Великий Нил, чьи регулярные разливы каждый год удобряли плодородными органическими осадками пахотные земли Египта. Вероятно поэтому циклическое понимание времени оказалось чуждым античным грекам. Их представление о времени было линейным и, так как почвы со временем неизбежно истощались, вещи портились, а люди умирали, временной поток казался им одной из главенствующих сил, движущих миром. Недаром в мифологии Греции, в отличие от древнеегипетской, появляется бог времени – Хронос, создатель упорядоченной Вселенной, отец богов.

Также в полную противоположность древним египтянам, греки с большим недоверием относились к идее имманентного совершенства мироздания. Явные свидетельства подобного скепсиса встречаются повсюду в литературе, драматургии, мифологии. Уже в трудах Гесиода мы находим регрессивное представление о ходе истории от Золотого века в её начале к Серебряному, Медному и, наконец, к Железному – жалкому подобию давно минувших дней. Время, разрушающее всё сущее, подтачивает и самое себя, истощается, становится слабее, и всё, что движется в нём, теряет в результате этого движения часть своей внутренней силы.

Эти глубоко укоренённые в греческой культуре воззрения можно отчасти объяснить исторической памятью о коллапсе средиземноморско-ближневосточной цивилизации, который случился на исходе бронзового века. Культура и быт народов претерпели тогда колоссальный упадок. Была утрачена письменность, забыты многие навыки и ремёсла. Уровень жизни людей, как духовный, так и материальный, снизился чрезвычайно. Даже во времена Гесиода в VIII веке до н. э. страшное наследие тёмных веков, наступивших вслед за этой чудовищной катастрофой, не было ещё окончательно преодолено.

Следует помнить, однако, что регрессивное представление о ходе истории было свойственно в разное время не только древним грекам, но и другим народам, жившим в рамках иных цивилизаций: индийской, китайской, иранской. Это широко известное и, по-видимому, не случайное совпадение говорит о наличии некоторых закономерностей в формировании исторического мышления человеческих сообществ на определённых этапах их культурного и экономического развития.

В условиях линейно текущего времени мир, так же, как и человек, оказался несовершенным. Даже могучие боги, хотя и бессмертные номинально, не были вечными в строгом смысле этого слова, поскольку имели начало. Сам факт рождения лишал их абсолютной безупречности, делал уязвимыми перед страстями, соблазнами, заставлял совершать ошибки. Здесь мы впервые встречаемся с очень неразвитой ещё, как бы только намеченной вчерне мыслью о первородном грехе.

Природа, которую олицетворяли божества, была всецело подвластна времени, и эта зависимость самым естественным образом переходила на богов, вынужденных существовать в тех же первичных условиях, что и все остальные обитатели космоса, живые и неживые. Не потому ли вообразимый облик главных божеств древней Греции делался со временем всё более и более антропоморфным, что жизнь их определялась, в сущности, теми же временными законами, которые руководили жизнью людей? В мифах боги нередко терпели неудачи, совершали промахи, значит они не были всемогущими и далеко не всегда добивались того, чего

хотели. Бессмертие их также представлялось в значительной степени условным ввиду того, что жизнь божества была тесно связана с теми или иными явлениями природы и не могла бы продолжиться в отрыве от них, если бы эти явления вдруг прекратились или сама природа исчезла бы, исчерпав свою движущую силу в борьбе со всеразрушающим временем. Превосходной иллюстрацией к этой, быть может не очень обычной трактовке политеистического мировоззрения греков служит, в частности, миф о Персефоне.

Таким образом выходит, что, если боги небезупречны, небезупречна и сама природа. Она непрерывно вырождается в ходе своих метаморфоз, теряет энергию, слабеет. И уж конечно тем более несовершенен человек – самая слабая, крайне недолговечная часть природы. Где же тогда искать совершенства? Древнеегипетская модель идеи второго порядка тут очевидно не годится. Её живое напряжение возникало из столкновения двух противоположностей. Два несовершенства нейтральны друг к другу и в разности своей не могут открыть надёжных путей к абсолюту.

В течение нескольких веков в Греции шла напряжённая интеллектуальная работа, в результате которой первобытный дуализм идеи второго порядка постепенно расширился и превратился в троичность. Тройственная структура оказалась настолько универсальной, что, пройдя сквозь века, сохранилась до наших дней. Смысл её заключается в том, что два несовершенных мира: внешний природный и внутренний человеческий должны для улучшения своего состояния соотноситься с неким абсолютом, существующим вне их обоих. Примирение эмпирически данных миров, их гармоничное слияние в единое совершенное Мироздание, стремящееся к вечности, немислимо осуществить на основании каких бы то ни было эмпирических правил или законов. Все эти правила слишком ограничены, слишком специфичны, чтобы охватывать собой все разнородные области сознания и бытия. Необходим какой-то внешний закон, пронизывающий собой всё сущее, какая-то трансцендентальная гармония, имманентная всякому бытию и сознанию вообще. Вечное следует искать за пределами зримой природы.

К этому поразительно глубокому выводу коллективная древнегреческая мысль пришла далеко не сразу. В сущности, дуализм идеи второго порядка так и не был изжит до конца в сознании людей вплоть до окончательного краха античности и утверждения христианства как доминирующей идеологии масс. Только интеллектуальная элита тогдашней средиземноморской цивилизации рано заметила всё очевидное несовершенство природы и дерзновением мысли стала пытаться нащупать новые пути к обретению истины через познание абсолютного.

Вначале исследования велись в пределах наличного космоса, противопоставленного хаосу, и были сосредоточены на отыскании первооснов, вечных и неизменных, лежащих в основании всего мирового порядка. Предполагается, что первым, кто поставил этот вопрос во главу угла, стал греческий купец и мореплаватель Фалес из Милета, живший в VII веке до н. э. В результате собственных наблюдений и размышлений он сделал вывод о том, что основой всему является вода. Впоследствии список первооснов дополнился огнём, землёй, воздухом.

Только спустя несколько столетий поиски вечного абсолюта начали выходить за пределы вещественного мира. Эмпедокл добавил к четырём стихиям *архэ* бесплотные действующие начала, преобразующие и смешивающие первичные элементы. К таким «активным» началам он отнёс любовь и ненависть, соответствовавшие в его представлении физическому и духовному притяжению и отталкиванию. Пифагор Самосский провозгласил *число* как первооснову всего сущего, без которой никакая реальность вообще не может быть ни помыслена, ни постигнута. Но истинная революция в сознании, настоящий цивилизационный переворот произошёл лишь после того, как в IV веке до н. э. в Афинах возникло учение об идеях.

Идеи, как вечные и неизменные модели всего сущего, стали третьим компонентом, дополнившим архаический, ставший бесплодным дуализм сознания-природы. Олицетворяя собой абсолют, они сделались источником притяжения для человеческой души, жаждавшей совершенства. И воскресло давно угасшее духовное напряжение, и тяга к вечности вновь обрела свою цель.

К несчастью, однако, в ситуации глубокого духовного застоя, который явился следствием медленного, но неуклонного отмирания идеи второго порядка, основанной на дуализме, учения Сократа, Платона и Аристотеля не могли проникнуть в сознание широких народных масс чтобы послужить исходным мотивом для создания новой полноценной идеологии. Низкая грамотность большинства свободного населения – демоса и полное невежество охлоса, экономика, основанная на рабском труде и бесконечные войны создавали крайне неблагоприятную среду для каких-либо значимых перемен. Всякое изменение в жизни грозило нарушить хрупкий баланс сил, существовавший в локальной и глобальной политике, в распределении прав, территорий и ресурсов. Только кризис и полное крушение старого мира могли отворить пути для давно назревшей смены всеобщего мировоззрения.

И всё же открытие или, быть может, изобретение целого мира идей, существующих вне пределов эмпирически данной реальности, не прошло незамеченным. Оно послужило мощным толчком к развитию фило-

софии, науки, искусства и культуры. В этих-то, достаточно узких по тем временам, сферах общественного сознания и вызрела в течение целого ряда веков новая революционная идеология. Её зародышевый характер проявился в формах разрозненных учений, направлений мысли, политических теорий. Другими словами, её отличала ещё доктринальная, а не культовая природа, характерная для зрелых идеологических систем. Тем не менее, под её влиянием то и дело возникали своеобразные «теории правильной жизни», находившие немало последователей. К числу наиболее известных учений подобного рода можно отнести эвдемонизм, эпикурейство, стоицизм и некоторые другие.

Импульс, приданный античной культуре зачатками нового мировоззрения, вызвал её небывалый подъём. Цивилизационное и цивилизирующее влияние греческой мысли и греческого образа жизни распространилось далеко на Восток в форме так называемого эллинизма. Старая идеология испытала при этом некоторую трансформацию, но основы её оставались неизменными вплоть до того момента, когда на исторической сцене возникло и утвердилось христианство.

V

Многие народы, населявшие в период ранней античности Малую Азию, Левант, а также северное и южное побережья Средиземного моря, принадлежали к единой цивилизации, многоязычной, мультикультурной, но всё-таки слитной идеологически. Все эти народы в той или иной степени разделяли базовые духовные ценности, присущие дуалистической идее второго порядка, хотя предания, обычаи и обряды их различались часто довольно существенно в меру того, как они понимали свою обязанность служения абсолюту, и как это служение было организовано на практике. Но даже и здесь, даже в самой внешней ритуально-обрядовой сфере идеологического, принципиальные различия были невелики. Боги одних народов с лёгкостью переходили в пантеоны других и почитались там наряду с местными, поскольку олицетворяли собой силы и законы природы, общие для всех. Культы важнейших богов были распространены повсеместно. Универсальной была и преобладавшая в ту пору модель индивидуального мирозерцания, в которой за каждым случайным явлением, за каждой превратностью личной судьбы скрывалась разумная воля, руководимая прихотью какого-нибудь своенравного божества.

Духовная слитность античной цивилизации, присущая политеизму терпимость к чужим богам, верованиям и традициям, однотипность популярного мировоззрения создавали благоприятные условия для отно-

сительно мирного сосуществования разноплеменных народов в рамках многонациональных империй. Сам факт того, что империя сделалась высшим, кульминационным способом государственной организации у хеттов, египтян, ассирийцев, персов, эллинов и римлян, свидетельствует о слабости или даже полном отсутствии идеологических барьеров, разделявших ближневосточно-средиземноморские этносы и племена. В этом смысле империи древнего мира самым разительным образом отличались от более поздних образований имперского типа, в особенности от империй XIX и XX веков.

Во времена античности серьёзные столкновения между носителями поистине чуждых друг другу культур происходили достаточно редко. Персидский зороастризм в его наиболее распространённой форме был по сути своей одной из разновидностей политеизма, так же, как и традиционные верования большинства африканских племён, обитавших в глубине материка. Единственным значимым исключением была, пожалуй, Иудея – страна, населённая народом, представлявшим собой отдельную, замкнутую в себе цивилизацию.

В силу этого обстоятельства войны, которые приходилось вести сыновьям Израиля в борьбе за свою независимость вначале от империи Селевкидов, затем от Римской империи, носили крайне ожесточённый характер. Это были прежде всего религиозные войны, войны мировоззрений, войны идей. И как таковые они не могли быть надолго погашены какими бы то ни было политическими или экономическими мерами, уступками со стороны метрополий, льготами или преференциями. Еврейский народ истребляли почти под корень, массово переселяли на новые необжитые места, пытались перевоспитывать, подкупать, но желаемых результатов всё это не приносило никогда. Репрессии лишь укрепляли мятежный дух вечно готовых к бою повстанцев, усиливали фанатизм их служения собственной идеологии, сделавшейся флагом не только духовного, но и физического сопротивления.

С другой стороны, собственная история иудеев, записанная в Ветхом Завете, содержит рассказы о геноциде, совершавшемся евреями против иноверного населения Иерихона и других ханаанских городов. В отличие от большинства других многочисленных и воинственных народов древности, сыны Израиля никогда не стремились к созданию собственной империи, в состав которой входили бы инородные племена. Внешняя языческая среда была для них слишком чуждой. Насильственная ассимиляция чуждого населения в духе собственной идеологии представлялась практически непосильным делом из-за колоссальной разницы в традициях и мировоззрениях. Отказ от своих идей был немислим. Вследствие этого Израиль вполне предсказуемо выбрал путь добровольной самоизо-

ляции, сделавшись малым причудливым островком в безграничном море политеизма.

В период наивысшего расцвета Рима Иудея превратилась в символ постепенно нараставшего сопротивления имперскому гнѣту. Времена менялись, старая языческая идеология угасала, оставляя после себя духовную пустоту, культурный и политический застой, коррупцию, бюрократию. Сугубые экономические интересы отдельных провинций начали мало-помалу перевешивать их мировоззренческую слитность. Многие из самых верноподданных с виду римских колоний были бы не прочь сбросить с себя ничем не оправданное с их точки зрения экономическое ярмо, избавиться от налогов, штрафов, повинностей. Но сил, а главное – решимости выступить против метрополии у них, как правило, не хватало. Не было и идеи, вокруг которой могли бы сплотиться широкие массы людей. Недовольство вконец изверившихся граждан уходило внутрь, питая бесцельное брожение умов.

Сплочѣнность евреев, их целеустремлѣнность, бескомпромиссная вера в собственную правоту, способность идти на жертвы ради праведной цели вызывали уважение и зависть иноплеменников. Интерес к иудейской культуре стал расти, прежде всего в Сирии, а затем и вообще на востоке Римской империи. Иудаизм как религия, образ жизни и, разумеется, идеология, начал приобретать всё больше сторонников в среде этнических не-иудеев.

Непреодолимая проблема, однако, заключалась в том, что вчерашним язычникам, решившим принять иудаизм во взрослом возрасте, оказалось чрезвычайно трудно, а порой и вовсе невозможно усвоить все его правила, ограничения и обряды, строгие до суровости и ничем подчас не оправданные, кроме древних традиций, смысл которых был утерян столетия назад. В этой связи возникла потребность в адаптации иудейской религии к культурному уровню новообращѣнных. Так, одна за другой, из канонического корня иудаизма начали вырастать всевозможные секты, школы, общины, отличавшиеся крайней неоднородностью и имевшие подчас очень мало связи с породившей их идеологической моделью.

Среди всех многочисленных течений подобного рода христианство оказалось наиболее динамичным и прогрессивным. Несмотря на центральность ярко выраженных мессианских мотивов, присущих тогдашнему иудаизму и потому глубоко внедрѣнных в суть христианского учения, первые христианские проповедники, будучи сами иудеями, не настаивали на соблюдении всеми членами новых общин традиционных еврейских заповедей, предписаний Торы, законов кашрута. Всё физическое и формальное было отринуто в пользу духовного, а духовное строилось прямо на ходу из того материала, который находился под рукой.

Так как носителями новой веры были в основном язычники-греки, обладавшие собственной богатой культурой, идеология христианства естественно и органично впитала платоновское учение об идеях, мысли эпикурейцев, аскетические практики стоиков. Идеологическое влияние иудаизма оказалось при этом весьма незначительным в силу того, что мировоззрение евреев всё-таки продолжало оставаться для греков-христиан принципиально чужим, инородным, никак не связанным с их собственной жизнью, с их чаяньями и надеждами. Зато религиозная и особенно – историческая сторона христианской идеологии оказалась выстроенной на прочном фундаменте Старого завета, в который, помимо канонических книг иудейского Танаха вошли разрозненные апокрифы из греческой Септуагинты. В культовую сферу, помимо того, были внедрены многие старые языческие традиции, в том числе представления о времени. Древнейшее, циклически текущее время нашло своё выражение в трёх богослужебных кругах: дневном, седмичном и годовом. Более современное и привычное тогдашним грекам регрессивное понятие времени отразилось в историях о Втором пришествии и неминуемом конце света.

С точки зрения чистой идеологии *христианская идея второго порядка троична*. В этом состоит её важнейшее отличие от язычества, это определяет её высочайший универсализм. Издавна присущая эллинам интуиция о первородном грехе находит здесь выражение в качестве главной причины несовершенства мира и человека. Имевший начало, да будет иметь конец! Надежды на избавление от тяжкого в своей бессмысленности ига времени нет и быть не может. Жизнь есть постепенное разрушение, а мир – арена для всеобщего распада. Мир тоже когда-то был создан и тоже движется к концу. В нём нельзя отыскать моделей совершенства, к которым стоило бы стремиться, в которых можно было бы разглядеть неизменный и вечный смысл. Вечность сокрыта. Вместо неё повсюду властвует смерть.

Примерно такую безрадостную картину видели ранние христиане вокруг себя и внутри себя в ту пору, когда исчезала и рушилась старая политеистическая идеология, плохо совместимая с новым, только ещё нарождавшимся общественно-политическим строем. Недаром в ту переходную эпоху приобрели такую популярность и столь широко распространились самые мрачные эсхатологические настроения. Исконный дуализм двух миров – человеческого и природного – изжил себя, безнадежно утратив свою внутреннюю напряжённость. Мифологическая борьба порядка и хаоса, формировавшая души людей, оказалась исчерпанной не потому, что в ней возобладала одна из сторон. Изменилось само поле битвы. Общество стало другим, вышло на новый этап своего

развития, и прежние идеи потеряли свою животворящую духовную силу. Их связь с совершенством оборвалась, и миф, оказавшийся вдруг бесплодным, вынужден был уступить дорогу логосу.

Мощная духовная энергия христианской идеологии враз распахнула ставшие тесными границы дуалистического мира, открыв поражённым взглядам людей невиданные дотоле горизонты. Бог был изъят из природы, заведомо неспособной вместить его в себя, и помещён над ней как первопричина, модель, идея, движущая сила, влекущая мироздание к некой конечной цели, из которой родится вечность. Эта последняя вечность, уже обетованная всем, обещала покой и счастье, мир и справедливость, давала надежду и силу жить в самых трудных, порой едва выносимых условиях.

То, что начиналось с абстрактных идей Платона, говорившего о статичных, вечно существующих разрозненных прообразах вещей и явлений, превратилось в одну невысказанно сложную динамическую систему, ежесекундно творящую действительность. Существование, само бытие стало восприниматься как внешнее проявление божественной силы, исходящей от абсолюта. Всякое видимое движение, всякий процесс и тем более жизни людей получили неотторжимое божественное обоснование. Их общее течение во времени перестало казаться бессмысленным, ибо каждый человек, проживая отпущенные ему годы, приближал своим долгим трудом обетованное Царство небесное. Причастность к общему делу, общая надежда и общая цель послужили мощнейшим объединяющим фактором. Благодаря ему все немногочисленные в общем-то общины ранних христиан оказались чрезвычайно сплочёнными. Их монолитная солидарность, выражавшаяся в обязательной материальной поддержке друг друга, единомыслии, взаимовыручке, более всяких проповедей привлекала в ряды христиан всё новых и новых последователей.

В отличие от иудеев, признававших единого Бога и делавших на этом особый акцент, вчерашние язычники-политеисты, умудрённые к тому же античной наукой и философией, не были столь шепетильны. Понятие о Божественной Троице возникло очень рано из необходимости обеспечить крепкую связь между тремя мирами. Изолированные в себе, мир человека, мир природы и мир божественного не могли бы сообщаться и влиять друг на друга. Искушённые в физике греки понимали это очень хорошо.

Мост между человеческой и божественной сферами перебросил Спаситель – мессия, принадлежавший, согласно христианскому учению, одновременно к обоим мирам. Воздействие высших сил на природу вообще, в том числе и на человеческую природу, осуществлялось посредством Святого духа – третьей и самой таинственной ипостаси божества.

Ходатаями за людей перед Богом выступали святые, заслужившие это почётное право собственной праведной жизнью.

Идеология христианства непрерывно усложнялась с течением времени, но все без исключения реформы и поправки касались только нижней части идеологической иерархии, связанной с обрядовой, культовой стороной. Суть же идеи второго порядка и коренная парадигма христианского служения остаются принципиально неизменными по сей день.

Появление новой мировой религии изменило географические границы цивилизаций. Там, где прежде было почти невозможно найти мировоззренческих различий между народами, равно приверженными однотипному по форме и содержанию политеизму, возникли почти непреодолимые идеологические барьеры. После принятия христианства Римской империей в IV веке н. э. начался период формирования цивилизационной матрицы, соединившей в себе в качестве необходимых элементов церковь и государство. Идеология, созданная творческой энергией масс, была усвоена государственной системой как инструмент контроля, при помощи которого в обществе естественным образом поддерживалась социальная адгезия.

Единомыслие – важнейший фактор стабильности в огромной стране, населённой множеством разных народов. Мощный идеологический толчок, полученный Римской империей, давно уже пережившей свой расцвет и катившейся под уклон, позволил ей просуществовать ещё почти тысячу лет под эгидой христианства. Символично, что окончательное падение Византии совпало по времени с началом эпохи Возрождения в Европе, когда в Италии, Фландрии и Германии стали закладываться основы для будущей гуманистической идеологии.

VI

Существует давно устоявшийся и очень живучий исторический стереотип, согласно которому Ренессанс трактуется как решительное духовное восстание европейских народов против католической церкви с её устаревшим учением, выродившимся в пустой и безжизненный догматизм. Столь упрощённый взгляд на чрезвычайно сложные общественно-политические и хозяйственно-экономические процессы, протекавшие в те времена, конечно, далёк от реальности. Сознание абсолютного большинства людей, живших на заре Нового времени, не было ещё подготовлено к тому, чтобы полностью низринуть христианское мировоззрение, утвердив на его месте новую, революционную идеологию. Несмотря на изменившиеся условия жизни, технический прогресс и появление мощной общественной силы в лице буржуазии, старая троичная идея второго

порядка была достаточно универсальной, чтобы и далее служить основой для идеологического древа, из неё произраставшего. Но коль скоро климат, в котором росло это древо, переменялся, христианская идеология оказалась оторванной от почвы, её питавшей, и начала увядать.

Идеологические сдвиги происходили медленно, и шли они непрямыми путями. Преобразование церкви в духе Реформации практически не затронуло ни идею второго порядка, ни идею служения. Вместо того, чтобы прогрессировать, обе эти идеи приобрели в среде протестантов ещё более архаичное звучание. Это произошло вследствие их выборочной очистки от поверхностных культовых наслоений времён Средневековья и из-за политики некоторых протестантских вождей, настаивавших на обязательном отделении церкви от государства.

Христианство в суровой интерпретации реформаторов стало несколько более походить на то, каковым оно было изначально. Однако быт, интересы и нравы европейских бюргеров XVI века самым решительным образом отличались от тех, что были характерны для людей начала первого тысячелетия новой эры. Реформации оказалось не под силу обогатить очищенную религию новым идеологическим содержанием, которое соответствовало бы своему времени. Сделать это было уже невозможно. Таким образом, и в католических странах юга Европы, и на мятежном Севере быт и нравы народов долго ещё определялись прежней привычной христианской идеологией.

Главным двигателем смещения идеологического фокуса в сторону от божественного к светскому стала наука. Начиная с ранней античности научное мировоззрение развивалось параллельно с религиозным. Время от времени они даже конкурировали между собой. В Средние века эта конкуренция была, разумеется, изрядно затруднена, но не исчезла совсем. В монастырях и университетах Европы продолжалась интеллектуальная жизнь. Наряду с богословием там изучались философия, физика, медицина, общественные и естественные науки. И если у христианского учения с его догматами и канонами имелась верхняя планка развития, далее которой ни один богослов не решался даже помыслить, то в области светского знания не существовало иных границ кроме тех, которые полагала сама природа. Вследствие этого научные данные и открытия накапливались непрерывно, количество их переходило в качество, пока, наконец, не настал неизбежный момент переворота: наука возобладала над религией. В этом-то и заключалась, собственно, истинная революция Ренессанса.

Научное мировоззрение Нового времени не было атеистическим в принципе, по крайней мере изначально. Оно не стремилось к отрицанию Бога и божественного, к опровержению и тем более ниспровержению

христианской троичной идеологии. Форма или, точнее – формат этой идеологии был слишком глубоко внедрён в информационное ядро европейской цивилизации, чтобы быть исторгнутым из него произвольно. Только гибель самой цивилизации могла бы положить решительный и скорый конец её идеологическому основанию. Идеология есть душа цивилизации, она живёт, развивается и умирает вместе с телом, к которому привязана духовно и онтологически.

Возрождение стало знаком не гибели, а расцвета европейской культуры. Оставшаяся нетронутой идеологическая структура наполнилась новым содержанием, смысл которого был понят и сформулирован далеко не сразу. Разум людей, даже самых просвещённых, долгое время тяготел ещё к прежней интерпретации идей, связанной с необходимостью внешнего абсолюта. К этой привычной модели подгонялись все научные открытия, все находки из словно бы заново увиденного духовного мира человека, обнаружившего вдруг всю свою непостижимую глубину.

Борьба религиозного со светским происходила в умах, но исход её, как всегда, определили внешние обстоятельства. Окрепшая наука оказалась гораздо более плодотворной материально и духовно, чем запутавшаяся в собственных тенётах богословие. Повседневная жизнь людей начала обогащаться новоизобретёнными продуктами и технологиями, произведениями передового искусства, знаниями, почерпнутыми из печатных книг. Географические и астрономические открытия показали с неопровержимой наглядностью колоссальные масштабы физического мира. Бывший некогда единственно вечным и бесконечным воображаемый абсолют стал понемногу растворяться в зримой бесконечности природы. В очевидно бескрайней Вселенной, выходящей далеко за пределы Земли в таинственный Космос, стали уже воочию, а не умозрительно просматриваться черты незыблемого мирового порядка и вечности. Вечность уже не смотрела с небес глазами всемогущего Бога. Она попросту была, чистая и совершенная, где-то там, в пространстве неведомого, и бытием своим магнетически притягивала взгляды пленённых этим открытием людей.

Роль божественной сферы, входившей наряду со сферой природы и сферой человеческого в триединство христианской идеи второго порядка, стала понемногу переосмысливаться. Место Бога-законодателя, движущей силы всего и вся, в ней заняли вселенские законы и энергии, не существующие сами по себе, не обладающие собственным бытием. Тем не менее, они ощущались, *предчувствовались* как самые последние, крайние универсалии, аналогичные законам Божества, но в отличие от этих непостижимых законов, в принципе *познаваемые* человеческим разумом.

Троичная структура христианской идеи второго порядка, таким образом, осталась в неприкосновенности. Изменилось лишь её содержание. Но оно-то, собственно, и стало определять все низлежащие ранги идеологической структуры, весь комплексный свод перелицованной заново идеи служения. Это не значит, конечно, что всё христианское тотчас исчезло из неё. Столь решительная перемена прямо противоречила бы правилу идейной преемственности, о котором мы условились выше. В идее служения, например, сохранились почти без купюр все те по преимуществу морально-этические аспекты новозаветного учения, которые наиболее удачно согласовывались с нарастающими тенденциями новой идеологической парадигмы. Проникнутый искренним человеколюбием дух евангелий оказался на удивление созвучным гуманистическому духу Возрождения.

Необходимость обращения к человеческому разуму как объекту служения легко объясняется сместившимся балансом внутри идеологического триединства. В христианской модели идеи второго порядка совершенство Бога противопоставлялось несовершенству мира и человека. Так как служение, в сущности, есть не что иное, как стремление к совершенному абсолюту, желание слиться с ним, приобщиться к нему, то в христианстве оно естественным образом тяготело к сфере божественного как трансцендентному идеалу.

Протестанты отвергли церковь и стали служить абсолюту напрямую, минуя всякое посредничество. Этим шагом, который потребовал многих усилий, подвигов и жертв, они расчистили путь для дальнейших идеологических трансформаций.

Гуманисты Нового времени пошли ещё дальше, отказавшись не только от церкви, но и от религии вообще. Их служением стало личное, непосредственное познание абсолюта, достигаемое при помощи тщательного анализа эмпирических законов природы. Единственным средством для такого познания служит разум, носителем которого в отсутствие Бога является один лишь человек. Он продолжает оставаться несовершенным только в силу своего глубокого невежества, но несовершенство это становится условным. Появляется путь к его преодолению. Чем больше мы узнаём, тем шире становятся наши возможности воздействия на окружающий мир. Преобразуя его, человеческая воля создаёт предпосылки для достижения всеобщей гармонии и счастья ещё при жизни людей, а не после их смерти. Стремление к личному духовному и интеллектуальному обогащению рассматривается таким образом как функция общественной пользы. Труд, положенный индивидом на обретение личного знания, есть служение истине, абсолюту, но плоды этого труда бесполезны, если они не поступают в распоряжение всего человечества. Накопле-

ние сведений, навыков и умений возможно только как общее дело людей, передающих накопленное из поколения в поколение. Человек конечен, с этим приходится мириться, но содержание его разума достигает бессмертия в коллективно хранящемся знании. Индивидуальная личность, следовательно, навсегда сохраняет свой информационный отпечаток в общественной мысли, в неумирающем духе человечества.

Изменение взгляда на роль человека в мире и обществе привело к смещению линии напряжения, придающей идее второго порядка творческий потенциал. Главная ось троичной системы сделалась подвижной. Она связала собой две крайние точки, точнее – два состояния: абсолютное познание человеком всей сферы вечных законов и энергий, полное слияние с ними, и абсолютное неведение, полное отчуждение от мировых основ. Роль активного агента в этой системе призван был выполнять человеческий разум, движимый временем, текущим линейно. Понимание исторического процесса при этом изменилось на диаметрально обратное: от регрессивного к прогрессивному. Будущее перестало казаться чреватой мировой катастрофой, сделалось светлым, внушающим надежду и оптимизм. Варварское, невежественное прошлое, даже совсем недавнее, напротив приобрело ярко выраженную тёмную эмоциональную окраску. Новым объектом веры сделался *прогресс* как символ, как идея, как принцип.

Массовый переход к прогрессивистскому образу мысли произошёл, разумеется, значительно позже. Вначале гуманистическое мировоззрение проникло только в самые передовые слои образованных людей, посвятивших себя целиком науке, искусству, политике. Большинство же европейцев долго ещё оставалось культурно и идеологически под сенью христианства. Две идеологии сравнительно легко уживались бок о бок в силу своей структурной аналогичности. Тройственность идеи второго порядка, унаследованная от католицизма, сделала новую гуманистическую модель принципиально понятной даже самым упорным адептам церкви в то время, как многие прогрессивные учёные в силу обычая или привычки оставались традиционно верующими людьми. Некоторые из них пытались даже объединить в своём сознании обе идеологии, переосмысливая основы христианской догматики в духе научной или квазинаучной метафизики.

Столь бесконфликтное сосуществование двух вер, которое продолжается, собственно, и по сию пору, было бы немислимо, если бы идеологические структуры гуманизма и христианства оказались в корне различными. Вспомним, как некогда, во времена поздней Римской империи, проявилась крайняя несовместимость троично организованной идеологии христианства с дуалистическим политеизмом. Не меньшие противо-

речия возникали между политеизмом и иудаизмом. Зато христианство и иудаизм смогли легко совместиться в рамках одной религии. Вследствие этого иудеи ещё в период раннего Средневековья помимо их собственной воли оказались отчасти втянутыми в орбиту западной цивилизации невзирая на то, что культурно они чрезвычайно отличны от европейцев.

Наивысший и последний взлёт прогрессивного гуманизма пришёл на эпоху Просвещения. В то время христианство уже окончательно отступило на периферию общественного сознания. В богатейших странах Европы, переживавших промышленный подъём, а также в их многочисленных колониях, церковь неуклонно сдавала свои идеологические позиции. Особенно это стало заметно после Французской революции. Только в немецкой идеалистической философии сохранялся ещё после этого интерес к теологическим вопросам, доходивший временами до откровенного мистицизма.

Расцвет промышленности, науки и торговли привёл к накоплению невиданных ранее богатств, однако распределение их оказалось крайне неравномерным. Появился новый огромный класс городского пролетариата, состоявший из обезземеленных крестьян, вынужденных за бесценок продавать свой труд кучке бесцеремонно наживавшихся на нём капиталистов. Условия жизни беднейших слоёв населения всюду ухудшались, как в городе, так и в деревне. Нищета и невежество, изнурительный труд и отсутствие всякой надежды на лучшую долю стали уделом бедноты. Корысть и стяжательство, праздность и разврат сделались отличительными признаками тех, кто составлял верхушку имущих слоёв. Общество расслоилось на враждебные классы, и оказалось, что ни христианская, ни гуманистическая идеология уже не способны связать его воедино.

Христианская идея второго порядка была давно изжита, а гуманизм обанкротился, показав свою практическую несостоятельность. В самом деле, о каком неуклонном совершенствовании человека могла идти речь в условиях, когда одни люди изо дня в день влачили жалкое беспросветное существование, думая только о том, как бы прокормиться, в то время как мысли других были всецело заняты наживой. Вечность исчезла для тех и для других, затянутая угарным дымом промышленной революции. Деньги стали мерилom счастья.

Общество может какое-то время существовать без всякой идеологии, но жить без неё оно не в состоянии. Под жизнью здесь надо понимать согласное движение социума к некой духовной цели, стремление к которой наполняет смыслом и совместное бытие всего общества, и личное бытие каждого отдельного человека. В отсутствие идеологии возникает застой, движение останавливается, жизнь замирает. Такая ситуация чре-

вата катастрофическими кризисами: войнами, восстаниями, революциями, особенно если в общественной иерархии изначально присутствуют антагонистические взаимоотношения между составляющими её классами, группами, группировками.

Несмотря на отчётливо проявившийся упадок идеологии, Европа XIX века ещё не созрела для глубокого застоя. Причиной тому послужил отчасти технический прогресс, двигавший вперёд не только науку и промышленность, но и общественную мысль, напряжённо искавшую выход из идеологического тупика. Отчасти же были ещё слишком сильны пережитки гуманистического мировоззрения, внедрённого в самый фундамент научного взгляда на жизнь. Убедёнными носителями этого мировоззрения были и до сих пор остаются многие представители интеллектуальных элит: учёные, писатели, интеллигенция. Именно в их среде была теоретически оформлена следующая модификация идеи второго порядка, лёгшая в основу очередной разновидности трёхсоставной европейской идеологии – *материализма*.

Материализм наследует гуманизму в том, что рассматривает текущее состояние мира и человека как несовершенное. Он точно так же настаивает на необходимости духовного прогресса личности, которая обязана вносить свой посильный вклад в общечеловеческое дело. Но, в отличие от классического гуманизма Возрождения, материализм утверждает невозможность духовного роста человека, живущего в нужде и тем более – в нищете. Прежде, чем браться за воспитание личности, – говорят материалисты, – необходимо обеспечить её всем необходимым для повседневной жизни: жильём, пищей, одеждой, образованием, книгами и т. п. Всеобщий рост благосостояния удовлетворит большинство личных нужд людей, что позволит им тратить больше энергии, физической и духовной, на благо всего человечества.

Таким образом, практический успех духовного развития личности с точки зрения материализма зависит не столько от степени внутренней потребности человека в творческом самосовершенствовании, – наличие такой потребности в том или ином объёме предполагается у всех, – сколько от внешних, прежде всего экономических и бытовых обстоятельств его жизни.

Вечность и индивидуальное бессмертие по-прежнему достигаются вкладом каждого человека в копилку общественного, переходящую из поколения в поколение, но теперь этот вклад становится не только интеллектуальным, но и физическим, материальным. О картинах, скульптурах, архитектурных сооружениях начинают говорить как о «бессмертных произведениях искусства», их начинают ценить не только за качество и красоту, но и за старину. Открываются публичные музеи, библиотеки,

появляются профессиональные коллекционеры и оценщики всевозможных редкостей.

Если в центре христианской идеологии стоял Бог, в гуманистической – разум, то теперь их место занимает вещь, *рукотворный предмет*. Его производство, изготовление рассматривается как процесс органичного слияния неодушевлённой материи и разума в нечто полезное, доселе не существовавшее и гораздо более совершенное чем всё то, что можно отыскать в природе в сыром, необработанном виде. Преобразование природного сырья в утилитарные предметы, облегчающие жизнь человека, приобретает характер служения. Идея третьего порядка становится индустриальной.

Со временем материализм разделился на два течения с общей идеей второго порядка, но очень разными идеологиями. В крайне упрощённом виде их можно описать следующим образом. Одна из них – коммунистическая, стояла ближе к исконному гуманизму, утверждая строгий примат общественного над частным. Другая – консюмеризм, напротив ставила интересы индивидуального потребителя выше общественных.

В наши дни оба эти течения окончательно иссякли, и идейный застой, поразивший всю Западную цивилизацию, а может быть и весь мир, кажется глубоким и непреодолимым. Тем не менее, как показывает долгий исторический опыт, люди, живущие совместно родом, племенем, государством, всегда непременно ищут путей для восстановления духовных связей между собой. Следовательно, временный упадок идеи второго порядка не следует воспринимать как нечто конечное, роковое. Вопрос состоит не в том, что будет, если мы и далее продолжим существовать как теперь вовсе без всякой идеологии. Такое состояние временно, преходяще. Это подтверждается ещё и тем обстоятельством, что во времена духовных кризисов всякое общество демонстрирует своего рода защитную реакцию, вырабатывая псевдоидеологии, основанные на практических целях, утилитарных задачах или даже на моде. Вместо одного великого стремления к вечному и идеальному появляется множество мелких планов, проектов, для достижения которых необходимы совместные усилия либо всего социума, либо его значительных частей. Слабость и неадекватность псевдоидеологий заключается в их неизменном и очень скором вырождении в коррупцию, которая препятствует общественно-полезной реализации творческих сил большинства населения. Сложный идеологический комплекс при этом не формируется, заменяясь более или менее изощрённой пропагандой. Общество духовно деградирует.

Но деградация общества имеет предел, ниже которого нельзя опуститься без того, чтобы в глубинах народных не начала стихийно формироваться новая идеологическая система. Поэтому наш вопрос можно

сформулировать следующим образом: означает ли грядущий крах материализма неизбежный отход от троичной идеи второго порядка, служившей нам верой и правдой две тысячи лет? Или быть может она ещё годится для того, чтобы быть преобразованной в нечто новое, животворное, отвечающее реалиям нынешнего дня, и главное – дня завтрашнего?

Здесь мы уже переходим в область прогнозов, не имея ещё, однако, ясного представления о том, каким образом эволюционирует со временем *культура*, растущая на почве троичной идеи второго порядка. Очевидно, что трансформация идей в обществе происходит снизу вверх. Главными побудительными причинами при этом выступают перемены в экономических и хозяйственных отношениях, в образе жизни и, как следствие, в образе мысли людей. Мировоззрение меняется тогда, когда меняется мир.

Выше мы уже рассматривали историю о том, как изменившиеся условия жизни в период поздней античности привели к зарождению и распространению христианства. Теперь же необходимо выяснить, чем характерны наши *сегодняшние* общественно-экономические условия и как они могут влиять на изменение текущей идеологической модели. Трудность этого предприятия объясняется тем, что каждый народ, существующий в рамках единой цивилизации, создаёт свою собственную версию доминирующей идеологии. Культура его уникальна. И хотя глобализация последних десятилетий наложила сильный отпечаток на потребительские привычки, вкусы, традиции и предпочтения людей всего мира, существенно сблизив их, идеологические барьеры остались при этом мало затронутыми. Кое-где они даже укрепились. В этом нет ничего удивительного, поскольку духовная сфера общества является ключом к его идентичности. Попытка чужеродного внедрения в устоявшуюся культуру закономерно рассматривается как угроза, которой необходимо всеми силами противостоять. Где-то такое противостояние принимает форму национализма, где-то ведёт к спонтанному всплеску популярности традиционных религий, где-то приводит к войнам.

В силу означенных соображений у нас не остаётся иного выхода, кроме как рассмотреть культуру отдельно взятого народа и спроецировать полученные сведения на всю цивилизационную иерархию идей. Так мы получим шаблон, с которым впоследствии сможем сопоставить идеологические конструкции, характерные для данной цивилизации вообще. Национальная культура, таким образом, послужит субстратом, который позволит выяснить степень перспективности, жизнеспособности и универсальности тех или иных нарождающихся идей, мысленно пересаженных на её почву. В конце концов, настоящая идея второго порядка не может не быть универсальной.

Поскольку речь у нас идёт о Западной цивилизации, давайте примем в качестве гипотетической основы или субстрата русскую культуру.

VII

Вот уже двести с лишним лет в нашей стране ведутся неутихающие споры о том, что представляет собою Россия: часть ли Западной цивилизации или нечто самодостаточное, цивилизационно замкнутое, независимое. Причиной тому, как кажется, служит отсутствие ясного определения, что же мы, собственно, зовём цивилизацией. Каждый понимает под этим термином нечто своё, вследствие чего и возникает основная масса противоречий, носящих по преимуществу семантический характер.

Если мы согласимся с гипотезой о том, что единственным и важнейшим знаком цивилизации является общая идея второго порядка, то Россию несомненно следует отнести к числу стран Запада, хотя и с некоторыми оговорками. В отличие от европейского ядра цивилизации, выработавшего троичную идеологию самостоятельно в ходе собственной истории, молодое русское государство *восприняло* уже готовую и в значительной степени чужеродную ему христианскую религию как средство, но не как цель. Киевская Русь, ещё только формировавшаяся из разрозненных славянских племён, остро нуждалась в духовной объединяющей силе, которая утвердила бы силу меча. Яркий пример соседней Византии, собравшей в своих границах множество разных народов, был слишком нагляден. Мощь империи коренилась в её духе, знаниях, традициях, каким-то непостижимым для постороннего взгляда образом перетекавших в развитие военного дела, политики, технологий. Идеология стояла в центре всего, и потому заимствование её сулило первым русским князьям несомненные выгоды. Приняв христианство, они сознательно и добровольно поступили на выучку к константинопольским базилевсам. Русь получила сильнейший духовный импульс, определивший всю её дальнейшую судьбу. Но сделаться полноправной частью цивилизационного ядра ей всё-таки не пришлось. Географически и исторически России было суждено всё время оставаться отдалённой периферией Запада. Слишком уж велики были расстояния, отделявшие её от Европы, слишком непохож был климат и образ жизни людей, слишком разными были даже представления о времени и пространстве, о чести и совести, о правде и лжи. Хрупкая веточка христианства, привитая ещё не засохшему дереву славянского язычества, дала своеобразные плоды.

Характерной особенностью русской религиозной и политической мысли, формировавшей национальную идеологию, стало извечное сосуществование и противоборство двух магистральных течений.

Представители одного из них безоговорочно ориентировались на Запад, вначале на Византию, а затем, после её падения – на Европу в целом. Их оппоненты тяготели к исконно русским корням. В этом противоречии выразилась болезненная реакция традиционного русского общества на грубое вмешательство извне в его святая святых – духовную сферу. Христианство было с лёгкостью принято народом как религия на бытовом обрядовом уровне, но идеологически оно не смогло бы прижиться, не будучи адаптированным к местным условиям. Из похода заимствованного средства для укрепления власти идеология должна была сделаться общей целью или отмереть. Русской мысли самой предстояло найти уникальный подход к этой цели, сформировать свою, особую идею служения. Государству же было значительно проще и удобней внедрить готовые, давно сформированные и опробованные на деле греческие образцы. И коль скоро христианская идеология на Руси с самого начала была сугубо государственной и насаждалась сверху с позиции силы, прозападная идеологическая позиция власти оказалась доминирующей и оставалась таковой во все времена, даже тогда, когда политические и религиозные разногласия с Западом носили особенно острый характер.

А в недрах народного сознания тем временем вызревала иная идеология. Её собирали по крупницам члены прорусской партии, состоявшей в основном из представителей национально-ориентированного духовенства. Родоначальником этого течения можно считать святителя Илариона – первого русского митрополита славянского происхождения. Его неожиданное избрание на этот важный пост стало возможным благодаря кратковременной размолвке Ярослава Мудрого с Константинопольским патриархом.

Перу Илариона принадлежит знаменитое сочинение под названием «Слово о законе и благодати». В нём звучат первые мотивы русской идеи как служения некой безмерно высокой цели. Народ, а не государство и не церковь, выступает в «Слове» как носитель божественной миссии, уготованной ему «на конец времён». Благодать, дарованная Христом, отменяет не только древние законы Моисея, как утверждал ещё апостол Павел, но и любые законы вообще. Ничто человеческое не способно иметь примат над божественным. Никакой закон не может служить оправданием для нечестивых дел. Спастись законом нельзя. Спасение возможно только в горнем, духовном мире, мире счастья и совершенства.

Это высокое и чистое понимание христианского учения в его глубочайшей идеологической сути совершенно не годилось для формирования практически-утилитарной государственной идеологии. Зато оно как нельзя лучше подходило для создания идеологии глубоко и поистине народной. Личным примером и научением лучшие представители рус-

ского духовенства сумели пленить воображение людей, повести за собой народные массы. Вышло так, что церковь, поставленная извне на службу государству, стала служить одновременно и народу, служить бескорыстно, по собственному внутреннему почину. Само понятие «народ» приобрело в восточном православии почти сакральный смысл. И это вполне соответствовало исконно-общинному самосознанию русских людей.

Куда же вела православная церковь свою новообращённую паству? Традиционно и обрядово, физически и буквально она призывала к послушанию властям, к кротости, смирению, обещая за это в будущем вечное блаженство на небесах. Духовно же путь народа и церкви лежал в совершенно ином направлении. Уже в сочинениях митрополита Илариона, написанных им в середине XI века, мы встречаем теснейшее сближение понятий «истина» и «благодать». Только так, по-евангельски, в непосредственной связи друг с другом, они, вероятно, и могли быть восприняты недавними язычниками, привыкшими к самоотверженному служению общине, роду, племени. Добровольное служение коллективу подразумевает не только хорошо развитое чувство личной чести, но и обострённое понимание принципов общественного взаимодействия. Все поступки в крепко спаянной кровными узами общественной среде оцениваются в первую очередь исходя из того, какую пользу или вред они приносят окружающим, и следует ли классифицировать нанесённый вред как случайный или же как намеренный. Важнейшим критерием для оценки выступает здесь *справедливость*. Поддержание справедливого – *праведного* порядка нацелено на то, чтобы каждый член общества мог пользоваться всеми своими правами без опасения, что они будут нарушены по вине или прихоти другого. Таким образом, всеобщее соглашение, обязательство соблюдать справедливость внутри рода или общины, обозначалось термином, к которому восходит современное русское слово «правда», тесно связанное с понятием «истина».

Нравственный идеал Илариона, видевшего уже тогда, в XI веке, современную ему молодую Русь как единственную хранительницу православия, его страстный призыв к истине, как источнику благодати, нашли живой отклик в сознании народа. Спустя две сотни лет уже сам великий князь Киевский и Владимирский Александр Ярославич Невский произнесёт, обращаясь к своей дружине перед боем, знаменитые слова: «Братие! Не в силе Бог, а в правде!»

Наиболее близко сошлись две новоявленные идеологии: народная и государственная, во времена монголо-татарского ига. Летописцы наперебой оплакивали удельную разобщённость государства, приведшую к катастрофе, мечтали о сплочении русского народа вокруг единой и сильной центральной власти, основанной на имперских образцах. Но ни Византия,

пребывавшая в упадке, ни тем более враждебные, вечно грызущиеся между собой соседи на Западе не могли уже служить примером для подражания. Опору и вдохновение приходилось искать внутри своей собственной культуры, всё более тяготевшей к снятию изначально присущих ей идеологических противоречий.

Пока Московское государство образовывалось и крепло, пока боролось за свою независимость и собирало под великокняжескую руку удельные земли, идеология правды играла в нём важную объединяющую роль. Но стоило ему набрать силу и стряхнуть с себя иноземное иго, как имперская идеологическая модель снова всплыла на поверхность. Внутреннее духовное единение народа, из которого медленно, но неуклонно рождалась русская нация, сделалось помехой в сильно изменившейся геополитической обстановке. Власть не нуждалась более в поддержке народа, она стремилась к его организации в соответствии с собственными интересами и требованиями, многие из которых были переняты у бывших поработителей. Строго практические задачи и цели нуждались в практической же идеологии. И народная правда снова отошла на задний план. Внутренний духовный раскол между обществом и государством, так до конца и не преодоленный, начал вновь углубляться.

Этот процесс наглядно иллюстрируют политические и идеологические споры, происходившие внутри духовенства на рубеже XV–XVI веков. В них опять, как и ранее, на заре христианизации, столкнулись два лагеря, два мировоззрения, две идеологические платформы. Иосифляне – сторонники Иосифа Волоцкого, основателя Иосифо-Волоколамского Успенского монастыря, понимали духовную жизнь человека и общества как служение единому национально-религиозному началу. В широком смысле под этим началом подразумевалась объединённая церковно-государственная структура, в более узком – православный монарх, ставленник Бога на земле. Идеология, выработанная иосифлянами, подвела теоретические основы под введение тягловой системы податей, которая в значительной степени усилила финансовые возможности государства за счёт ухудшения материально-экономического положения большинства крестьян и посадских людей. Несколько позже закономерным продолжением данной идеологической модели стала опричнина, первоначальным теоретиком которой выступил уроженец Литвы Иван Пересветов.

Иосифу Волоцкому и всем его многочисленным последователям конечно же и в голову не могла прийти мысль о том, чтобы ориентироваться на Европу как на пример для подражания, особенно в духовной сфере. Тем не менее, чисто практическое западное влияние на выработанную ими идеологию всё же нельзя отрицать. Главной заботой иосифлян было сохранение в неприкосновенности Святой Руси – истинного православ-

ного государства, которое всё чаще приходилось оборонять не только от внешних врагов, но и от тлетворного влияния католицизма, не говоря уже о еретических лжеучениях, проникавших на Русь из соседних христианских государств, переживавших в те времена мощнейшие духовные потрясения, связанные с переходом в эпоху Модерна. Московское царство, верное старой, уже отжившей в Европе теистической идее второго порядка, хотело бы оставаться в стороне, но защита границ от крамольных идей, исходивших с Запада, была ещё более трудным делом, чем их военная защита.

Привыкшая к вековой изоляции страна, до которой, казалось бы, совсем ещё недавно лишь изредка доходили неясные слухи о жизни соседей, мало кого интересовавшие, вдруг оказалась на передовой очень долго формировавшегося и всё-таки неожиданно возникшего идеологического фронта. Стоит ли удивляться, что государство отреагировало на это обстоятельство крайне болезненно. Оно уже и без того ощущало себя на осадном положении. После падения Константинополя в 1453 году Москва превратилась в сознании русской элиты в третий Рим, в центр мира, на периферии которого обитали враждебные и почти в равной степени нечестивые племена. Впрочем, мусульманской чалме всё же отдавалось некоторое предпочтение перед папской тиарой. Более хитрый, агрессивный, экспансивный католицизм стал восприниматься как главная угроза. В этих условиях, как полагали иосифляне, каждый русский человек был обязан вносить свою посильную, а временами и непосильную лепту в общее дело обороны от зла, исходившего с Запада. Символично, однако, что делать это предлагалось, в сущности, западными же методами, поскольку каких-либо иных действенных средств в ту пору никто из иосифлян предложить не сумел. Не приняв категорически новую идею второго порядка, сформировавшуюся в эпоху Ренессанса, иосифляне были отнюдь не прочь позаимствовать некоторые из порождённых ею служебных идей, встроив их, и притом весьма неуклюже, в старый идеологический аппарат. Первым и важнейшим пунктом при этом стояло создание централизованного национального государства на европейский лад, которое, однако, и управлялось бы по-старому, и функционировало бы как прежде, то есть во многом по-азиатски.

Другая, альтернативная идеологическая линия была представлена так называемыми заволжскими старцами из Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей под духовным водительством преподобного Нила Сорского. Представители этой «монашеской партии» получили впоследствии имя нестяжателей. Наиболее ясно их генеральную программу выразил в начале XVI века насильно заточённый в монастырь

инок Вассиан, в миру – князь Василий Иванович Патрикеев. Приверженцем идей нестяжательства был в числе прочих известный оппонент царя Иоанна Васильевича Грозного князь Андрей Курбский.

Если иосифлянам государство представлялось крепостью, пребывающей в осаде, то нестяжатели думали о нём как о прообразе монастыря. Всё земное, светское с их точки зрения «лежало во грехе» и не могло быть спасённым человеческими усилиями. Служение идее состояло не в том, чтобы поддерживать и охранять существующий порядок, но в том, чтобы преобразовывать его на божественный лад. Поэтому заволжские старцы и их сторонники требовали решительного отделения церкви от государства, сферы светского – от сферы церковного. Путь государства не есть тот путь, что ведёт в Царствие Небесное, – утверждали они. Авторитет церкви должен основываться на правде, справедливости, на истинной приверженности учению Христа. Только очищенная от всякого мирского греха православная церковь могла, по мнению нестяжателей, обуздывать своим нравственным, духовным влиянием злые и несправедливые действия властей. Вместо подвига послушания и ратного подвига от каждого православного русского требовался подвиг духовного делания, направленный на уподобление человека самому Богу, на слияние личности с горним божественным миром.

Два учения, таким образом, составляли полнейшую противоположность друг другу. В итоге, как и следовало ожидать, сила государства снова воздвиглась против правды народа и укрепилась в официальной идеологии. Дух Старого завета возобладал над духом Евангельским. Белое духовенство и значительная часть монашества приняли на себя казённую роль идеологической obsługi власти. Нестяжательство ушло в тень, туда, откуда оно и поднялось – в сокровенную глубину народного самосознания. Открытыми проповедниками его идей оставались по-прежнему одни лишь святые старцы, рассеянные по разным, чаще всего далёким и бедным монастырям. Но и там, в дебрях и глуши, они нередко подвергались гонениям со стороны как светских, так и духовных властей за непокорность и смутьянство.

«Осадная идеология» иосифлян была несомненно реакционной с точки зрения её цивилизационного контекста. В то время в Европе практически всюду шло быстрое развитие национальных культур. Этот процесс, может быть не синхронный, но повсеместный, был чреват перекройкой всей идеологической системы, задававшей основные параметры цивилизации. Россия должна была либо двинуться вслед, либо избрать свой собственный путь, обретя духовную и культурную независимость от Запада. Трагедия её заключалась в том, что она оказалась неспособной осуществить ни то, ни другое.

Единственная надежда обрести свою собственную оригинальную идеологию, пусть и несовершенную изначально, плохо подходящую для целей государства, но имеющую значительный потенциал, погибла вместе с разгромом лагеря нестяжателей. Следовать за Европой мешал упорный консерватизм иосифлян. Однако и их устаревшая доктрина была уже не в состоянии послужить долговременной основой, на которой могла бы зиждиться вся государственная жизнь, вся внешняя и внутренняя политика. И Россия остановилась, всё духовное движение в ней прекратилось. Страна погрузилась в застой.

Культурная и торговая экспансия Запада на Восток при этом отнюдь не замедлилась, мало того, она продолжала усиливаться с каждым годом. Визиты иностранных путешественников в российские пределы происходили всё чаще, всё больше привозили заморские купцы на местные рынки диковинных товаров из Англии, Германии, Голландии. Со времён Ивана III началась и затем шла почти безостановочно вербовка на службу русскому государю различных европейских специалистов: строителей, оружейников, аптекарей, военных, врачей. К середине XVI века в Москве появилась и обособилась «немецкая» слобода. Образ жизни и уровень образования её процветавшего населения служил наглядным примером того, насколько отстала Россия от западных соседей, как архаична её культура, увязшая в пережитках Средневековья. Мало-помалу русское царство двигалось к неизбежному кризису, который едва не привёл к распаду страны, к полной утере национального суверенитета.

Внутреннее и внешнее противостояние духу Нового времени при помощи самоизоляции не удалось. Слишком близкой вдруг сделалась Европа, слишком тесен стал изменившийся мир. Без современного оружия, новых технологий и новой передовой государственной идеологии страна рисковала превратиться в колонию или остаться навечно диким медвежьим углом, тёмным глухим тупиком европейской цивилизации.

Вынужденный поворот на Запад начался с церковных реформ патриарха Никона. Они впервые явно обнажили и зафиксировали тот громадный идеологический раскол, который существовал между властью и народом, но не смогли ликвидировать его. Непокорные старообрядцы потянулись в леса на Север и за Волгу, унося с собой остатки культовой старины, из которой со временем родилось своеобразное русское подобие европейского протестантизма. Замечательно, что интеллектуальная линия митрополита Илариона и нестяжателей продолжилась при этом в лоне официальной церкви. Ей, впрочем, тоже в недалгом будущем были уготованы нелёгкие времена. Потеряв в одночасье всякое идейное влияние на государство, превратившись в один из его заштатных департаментов, бюрократившись, церковь выживала духовно только благодаря

своим подвижникам, искавшим не власти, а правды. В этом своём бескорыстном и искреннем поиске наиболее честные представители духовенства могли опираться только на низшие классы общества. В толще народа издавна жило то же стремление, та же страсть к настоящему, подлинному бытию, к справедливому и вечному жизненному началу. Униженная церковь продолжала служить единственным проводником глубочайших чаяний униженного народа.

Что же касается высших слоёв, то с приходом к власти Петра Великого всё реакционное иосифлянское наследие было решительно отброшено в сторону и забыто. Взамен ему на русскую почву вновь была пересажена чужая идеологическая модель, основанная на тогдашних европейских представлениях о прогрессе. Снова, как во времена крещения Руси, русские власти пошли на выучку к иноземцам, а следом за тем и сами сделались иноземцами кто по духу, а кто и по крови. Гуманистические идеи Просвещения были импортированы в страну, не готовую их не то, что принять, но даже понять. Они, разумеется, не прижились, государство оказалось деидеологизированным, и верхи его надолго погрязли в беспросветном разврате и дикой коррупции.

Только к концу XVIII века вокруг заимствованной идеологии, как вокруг чужеродного тела, начала формироваться своего рода национальная защитная оболочка. Вначале её пытались создавать отдельные представители дворянства, затем к ним примкнула новая сила в лице разночинной интеллигенции. Участие церкви в этих исканиях было в основном незначительным. Сломленная и обезглавленная, официальная православная иерархия хранила молчание. Лишь старцы-пустынники, схимники да Христа ради бродячие люди по-прежнему проповедовали по городам и весям евангельские истины, учили любви, толковали о справедливости и правде, да старообрядцы в лесах упорно хранили свои старинные заветы. Никто не стремился привить широким народным массам текущую государственную идеологию в силу заведомой невозможности подобной прививки: сколько-нибудь подходящей для этого идеологической модели у государства попросту не было. Да и была ли она у него вообще?

После кончины Петра I созданная им новая российская элита принялась заимствовать на Западе не идеи, а технологии: политические, экономические, промышленные. Но и они приживались на русской почве сравнительно плохо, их приходилось всё время менять, адаптировать. Гораздо успешнее проникали в сознание тогдашних аристократов западные моды, манеры и нравы. Зачастую российские власти совершенно бездумно подражали верхам европейских держав, учились у них тому, чего нужно желать, к чему стремиться, не давая себе труда поразмыслить о мотивах тех действий, которые предпринимали их западные коллеги.

Сплошь и рядом они ограничивались при этом простой эмуляцией государственной деятельности, организованной в соответствии с не очень понятными западными образцами. Если в Европе всемерное укрепление национальных государств и внешняя их экспансия были обусловлены идеологическим напором снизу со стороны буржуазии, то в Российской империи те же процессы запускались сверху без вовлечения какой бы то ни было идеологии. Это вполне неизбежно привело к гипертрофии абсолютизма, задавившего всякую, в том числе и полезную обществу инициативу низов.

Таким образом, внешнее культурное влияние, исходившее с Запада, затронуло русскую элиту XVIII века лишь поверхностно, на уровне мод, обычаев и обрядов, в то время как коренное население страны избежало его совершенно. Россия вновь оказалась в цивилизационном тупике, из которого так и не смогла окончательно выкарабкаться в ходе петровских реформ.

К началу XIX столетия расслоение интеллектуальной верхушки российского общества вновь, теперь уже открыто укрепилось в том характерном состоянии, которое английский историк А. Д. Тойнби описывал при помощи терминов «иродианство» и «зелотизм», а современный русский социолог А. Г. Дугин обозначил введённым им понятием «археомодерн». Суть этого в общем-то нередкого во всемирной истории явления заключается в том, что перед лицом постоянной внешней угрозы со стороны более развитого в экономическом и военном плане противника общество разбивается на два идеологических лагеря. Один из них ратует за скорейшую и полнейшую ассимиляцию методов и технологий потенциального соперника с целью укрепления собственной обороноспособности. Как правило, к данному лагерю «иродиан» или «модернистов» принадлежат элиты и их приспешники. Другой лагерь – «зелотов» или «архаиков» – призывает напротив к культурной самоизоляции, укреплению границ, сохранению традиционных для данного общества ценностей и традиций.

Надо полагать, что в истории российского народа эти противостоящие друг другу идеологические лагеря существовали издавна, и возникли они ещё до введения на Руси христианства. Причина тому – сравнительно позднее начало зарождения русского государства, формировавшегося в тени уже давно сложившихся мощных империй Запада и Востока. Необходимость всё время догонять более развитых соседей, а также и защищаться от их посягательств на собственный суверенитет, стала главным фактором, препятствовавшим оформлению и обособлению истинно русской национальной идеи. По той же причине русские «зелоты» вечное терпели одно идеологическое поражение за другим. Не был услышан

и понят в своё время митрополит Иларион, с треском и грохотом провалилась изоляционистская политика иосифлян, был сослан в Пустозёрск, а затем и сожжён там в деревянном срубе вместе с горсткой своих единомышленников неистовый поборник старинного русского благочестия протопоп Аввакум Петров.

За более чем тысячу лет своего существования русская нация так и не получила реального шанса сделаться самодовлеющей цивилизацией. Все намеренные и случайные попытки вывести страну из-под влияния европейской идеологической модели оказались напрасными. Особенно много дискуссий на эту тему велось в XIX веке. Опыт «французского года», когда объединённая европейская армия под командованием Наполеона Бонапарта вторглась в пределы Российской империи, стал отрезвляющим не только для правящих элит. Всем стало ясно, что Россия сильна, причём сильна она не столько порядками, скопированными с западных образцов, сколько своим народным обычаем, мощь которого – непознанная, таинственная, хаотичная – прячется где-то в бездонных глубинах русского духа, кое-как прикрытых снаружи тонким налётом казённой неметчины.

Осознание этого факта привело к тому, что лагерь поверхностных модернистов-западников, доминировавший безраздельно на протяжении всего XVIII века, был потеснён на сцене общественно-политической мысли группой новоявленных патриотов-консерваторов. Их «московская партия», ехидно прозванная оппонентами «славянофильской», выступала за коренной поворот России в сторону от Европы, за возрождение национальной идеи, утраченной якобы в ходе петровских реформ. Несмотря на значительную популярность в среде современников, этим проектам, конечно же, не суждено было воплотиться в жизнь и уж тем более послужить основанием для новой русской идеологии. Возврат к отжившей, архаической религиозной модели был совершенно невозможен. Слишком уж далеко ушла от неё Западная цивилизация с примыкавшей к ней, хотя и отсталой, но всё-таки двигавшейся в том же направлении Россией. К тому же как с политической, так и с идеологической точки зрения славянофильская модель была отнюдь не народной. В сущности, она представляла собой давно и безнадежно обанкротившееся иосифлянство, слегка подкорректированное и с изрядной наугудой воздвигнутое на теоретическую платформу немецкого идеализма.

Несравнимо более широкое идеологическое влияние на внешнюю и внутреннюю политику властей имела так называемая теория официальной народности, предложенная высокопоставленным царским чиновником графом С. С. Уваровым. По мнению Уварова, во многом конъюнктурно обусловленному, истинно русская идея должна была состоять из

триединства, которое включало бы в себя следующие начала: православию, самодержавие, народность. Все эти три ипостаси действительно отражали уникальные аспекты развития русского общества того времени, не имевшие полных аналогов ни на Востоке, ни на Западе. Их совокупность вполне подошла бы под наше определение *служебной* идеи. Но чему она, собственно, должна была служить? Каков был её духовный центр, её магистральная цель? Другими словами, какой идее второго порядка могла бы соответствовать уваровская триада? Ясно, что это не гуманистическая модель западноевропейского толка в любой из её разновидностей. Не подходит она и под более раннюю христианскую троичную идеологию, опирающуюся на трансцендентальное совершенное божество. В ней вообще не просматривается следов какого бы то ни было духовного стремления, зато вполне отчётливо виден консерватизм, тяга к охранительству и культурной самоизоляции. Недаром лозунги Уварова были тотчас подхвачены разного рода реакционерами и стали впоследствии одним из символов черносотенного движения.

Отсутствие высших духовных целей, ориентация на достижение конкретных политических задач, в данном случае – на всемерную защиту и оправдание самодержавия как общественно-политического института, не даёт нам права отнести теорию официальной народности к числу истинных идеологий. Наряду со многими другими квази-идеологическими конструкциями, выдуманными идеологами власти для насаждения народу сверху, она принадлежит к тому разряду концептуальных систем, которые принято именовать *пропагандой*.

Тем не менее, сам факт её появления и обнародования подтверждает возросшее в XIX веке осознание зависимости русской культуры от западной идеологической модели. Поиски альтернативы должны были неизбежно привести к углублению в собственные коренные национальные традиции, носителями которых оставался простой народ, прежде всего – крестьянство, совсем не затронутое духом Просвещения. Где же ещё было искать русскую идею, как не в деревне?

Но слишком уж непреодолимым оказался культурный барьер между русской интеллигенцией и русским народом. Образованные слои общества смутно чувствовали какую-то необыкновенную объединяющую мощь, под воздействием которой серая, косная, слабо оформленная масса крестьянства приобретала поразительную духовную монолитность. Об источнике этой мощи думали многие, всякий на собственный лад, спорили, выдвигали гипотезы, сочиняли статьи и романы. Появилась целая плеяда мыслителей, а вслед за тем и практиков, мечтавших оседлать народную стихию с тем, чтобы распространить её одухотворяющее влияние на всё российское общество, снизу доверху. К сожалению, на пути

этих самоотверженных людей, называвших самих себя *народниками*, всё время вставали два роковые препятствия.

Во-первых, преобладавшие методы их поисков были строго научными, то есть внедрёнными в матрицу гуманистического мировоззрения, характерного для западноевропейской культуры. Опора на знание, тем более на точное знание, основанное на логике и математике, мешала разглядеть в народном быту, в традициях и обычаях людей то, что составляет непреходящий атрибут всякой идеологии – *веру*. Веру народа неизменно смешивали с религией, причём, как правило, с самой грубой – обрядовой её стороной. Не найдя ничего живого и связного в механически отправляемых крестьянами ритуалах православия, обращались к остаткам древних языческих культов, но и тут не обнаруживали чего-либо иного, кроме утративших всяческий смысл преданий, переходивших из поколения в поколение. Неспособность по-европейски образованных и мыслящих людей к органической вере мешала их пониманию того, что требовалось принять без доказательств, на основании простого искреннего чувства.

Во-вторых, народники, будучи как правило убеждёнными социалистами, стремились к созданию *государственной* идеологии, к преобразованию всей общественной иерархии в соответствии с некими раз и навсегда установленными правилами и порядками. Вследствие этого духовные аспекты национальной идеи чаще всего попросту игнорировались ими. Революционная интеллигенция искала в народном быту модель для организации нового типа классовых взаимоотношений, некий рецепт справедливого устройства общества, которое напоминало бы крестьянскую общину, артель или мир, решающий сообща все важнейшие вопросы. Мало кто задумывался о том, что эти действительно своеобразные формы народного общежития были всего лишь одним из проявлений народной веры, эманацией в практическую жизнь истинно русской идеи второго порядка.

В чём же состояла эта идея, многим теперь понятная, но никогда никем до конца не раскрытая, не развитая и оттого не имевшая собственной формальной идеологии? Мы уже говорили о ней выше, но только вскользь, не заостряя внимания на существовании вопроса. Теперь настала пора дать ей какое-то определение.

Русская народная идея второго порядка основана на *правде* в самом широком понимании этого слова. В отличие от христианства, в котором модель совершенства целиком трансцендентна по отношению к миру человека и природы, правда русского народа остаётся правдой только до тех пор, пока она внедрена в действительность. Вне пределов эмпирически данной реальности существование правды теряет какой бы то ни было смысл, поскольку она традиционно мыслится не как какой-то

отвлечённый умозрительный шаблон или образец, а как глубочайшее и неотъемлемое *свойство* истинного бытия.

Впрочем, и коренное русское представление о бытии в свою очередь сильно отличается от европейского. Мир человека и мир природы слиты в нём практически воедино. Объяснение этому необычному и даже до некоторой степени ретроградному типу мировоззрения можно легко отыскать в истории и образе жизни той части восточных славян, которые в силу различных обстоятельств были принуждены оставить плодородные земли своих предков и заняться освоением мест, плохо пригодных для привычного им пахотного земледелия. Дикие, нетронутые рукой человека области Залесья были богаты дичью и пушниной. Но их натуральных ресурсов хватало только для того, чтобы прокормить на постоянной основе сравнительно малочисленные полубродячие финно-угорские племена охотников и рыболовов. Проникновение славян в северные земли положило начало массовой практике подсечно-огневого земледелия. Скучные подзолистые почвы, удобренные золой поваленных и сожжённых деревьев, вскоре вновь истощались, вследствие чего людям приходилось то и дело переселяться на новые места и вновь, раз за разом, валить и жечь лес. Как следствие, лесные поселения славян долгое время оставались немногочисленными, временными, сильно изолированными друг от друга, а их жители полностью зависели от капризов и милостей природы. В подобных обстоятельствах взаимодействие человека с окружающей средой оказывалось гораздо более важным делом, чем взаимодействие общины с общиной, человека с человеком. Люди, затерянные в необозримых лесных просторах, месяцами, а порой и годами оторванные от соседей, ощущали себя скорее частью природы, нежели членами племени и уж тем более – государства, возникшего, в связи с этим, довольно поздно. И ещё гораздо позднее это государство окрепло настолько, чтобы распространиться на Север и прочно обосноваться там. Окончательное же его объединение произошло уже накануне Нового времени.

Своеобразный и во многом уникальный исторический опыт народа привёл к тому, что в сознании русских людей постепенно возникла и закрепились идея единства всего живого и неживого, составляющего цельный, взаимосвязанный комплекс *всебытия*, главной определяющей характеристикой которого является правда. Природу нельзя обмануть, она подчиняется собственным нерушимым законам. Тот из людей, кто не знает этих законов или пренебрегает ими, обречён на гибель. Добродетель заключается в том, чтобы как можно вернее следовать естественному порядку вещей, слиться с течением жизни и не противиться ему, жертвуя при этом собственной волей и личными ин-

тересами во имя вселенской гармонии. Человек и мир объединяются в правде. Вне этой связи присущее людям стремление к вечности становится невысказанным.

Формирование идеологии, которая вытекала бы из описанной выше идеи второго порядка, происходило медленно. Отсутствие крупных городов, общественных институтов и учреждений, религиозной и светской иерархии, письменности, путей сообщения и многих других атрибутов развитого общества препятствовало развитию культуры. Вначале, в условиях первобытнообщинного строя, сохранявшегося у восточных славян вплоть до XI века, а местами и много дольше, правда служила в быту мерилем совершенства человека, являя собой своего рода закон, подобный закону древних иудеев. Однако, в отличие от иудейского, славянский закон не был строго кодифицирован, что придавало ему чрезвычайную, можно сказать всеобъемлющую широту.

Так, в соответствии с типичной для первобытнообщинного строя идеологической моделью, общественные интересы должны были ставиться несравненно выше личных и тем более частных. Отсюда вероятно берёт начало один из компонентов крайне сложного свода значений, выражаемых в русском языке словом «правда», а именно – *правда-справедливость*. Справедливо всё, что ведёт к пользе общины в целом; то же, что служит личным интересам и выгоде, напротив – несправедливо, особенно если эта выгода достигается в результате попрания интересов других членов общества.

Другой компонент – *правда-истина* служил, по-видимому, для оценки степени связи условно совершенного человека с безусловно совершенной природой. Природные закономерности в их абсолютной надёжности и неизменности воспринимались как раз и навсегда установленный закон, диктуемый естественной необходимостью. Суровость закона требовала от человека столь же сурового нрава. Все присущие людям слабости: непостоянство, лень, трусость, жадность, ложь выглядели особенно низменными пороками на фоне всегда неподкупной правды природы. Жить в правде значило гармонизировать внутренне с вечными и неизменными правилами внешнего мира. Иными совами, человеку надлежало быть именно тем, кем он был на самом деле, а не прикидываться добрым, будучи злым или пытаться приукрасить себя при помощи какого-либо хитро изобретённого обмана. Отсюда, вероятно, проистекает до сих пор наблюдаемая латентная неприязнь русских людей к лицемерию, столь распространённому на Западе.

Позднее, с формированием и укреплением централизованного феодального государства, к своду значений слова «правда» добавились понятия *правда-право*, *правде-закон*, *правда-правосудие* и др., а после

принятия христианства из греческого языка к нам перешёл термин *православие*, приобретший у нас значительно более глубокий смысл.

Западноевропейские народы, государственная история которых насчитывает многие тысячелетия, давно уже оставили в прошлом все духовные пережитки первобытнообщинного строя. Поэтому древняя, но до сих пор ещё живая русская идея правды абсолютно несовместима ни с одной из современных нам западных идеологий. Тем не менее, влияние этой скрытой идеи на всё привнесённое извне очевидно. Пересаженное на отечественную почву христианство было трансформировано в соответствии с народными традициями и в значительной степени переосмыслено самим народом. Дух евангельского учения, берущий начало в языческой культуре древнего Востока, оказался во многом созвучным идее правды, исповедовавшейся на Руси. В не меньшей степени перекликались с ней и коммунистические идеи XIX столетия, имевшие вследствие этого особенный успех именно в самых широких массах простого народа, у рабочих и крестьян. В том, что предлагали в своих лозунгах марксисты, было много и от правды-истины, и от правды-справедливости, и от общинного уклада, реализуемого в форме коммуны. Коммунизм, быть может, впервые в отечественной истории обещал воплотить наконец то глубокое, стихийное народное стремление, которое томилось под гнётом чужой идеологии без малого тысячу лет.

Но, к величайшему сожалению, заветная надежда русского народа так и осталась неосуществлённой. И виной тому вероятно была не одна лишь ошибочная практика реализации коммунистических проектов, извратившая первоначальную теорию. Дело в самой теории. Несмотря на внешнюю революционность, она оставалась логическим продолжением идей своего времени, своей среды, то есть представляла собой один из векторов развития гуманистической идеологии Запада. Её идея второго порядка по-прежнему трактовала состояние мира и человека как несовершенное, остро нуждавшееся в коренном преобразовании. Способом преобразования того и другого должна была стать экономика. В идейном смысле коммунизм точно так же, как и либеральный капитализм XIX века, утверждал, что духовному совершенствованию человека препятствует его неудовлетворительное материальное положение. В соответствии с этим воззрением, в основу идеи второго порядка была положена *вещь* или её рыночный эквивалент – *деньги*. Было предсказано, что по мере роста благосостояния общества духовный мир его членов начнёт сам собой совершенствоваться или, по крайней мере, исчезнут все те сугубо материальные преграды, которые препятствуют полноценному духовному развитию человеческой личности.

Коммунистическая версия этой весьма плодотворной для своего времени идеологической модели отличалась несколькими ключевыми особенностями. Если в генерализированной теории либерального капитализма рост благосостояния рассматривался в основном как самоцель, а результирующий духовный прогресс только подразумевался как нечто само собой разумеющееся, то в идеологии марксизма-ленинизма были задействованы также и внеэкономические методы нравственного воспитания общества, которым отводилась чрезвычайно важная роль. Ярким примером тому служит, например, «Моральный кодекс строителя коммунизма», первая редакция которого была опубликована в СССР в 1961 году. Стремление определить и даже кодифицировать духовные цели сильно понижало удельный вес *вещи* и *денег* в идеологической иерархии. Идея служения, таким образом, приобретала сложную, открытую многоуровневую структуру, весьма характерную для мощной развитой идеологии.

Ориентированному на конкуренцию западному индивидуализму коммунистическая идеология противопоставила коллективизм с опорой на большинство. Всё национальное достояние во всех его видах и разновидностях перешло де-юре во владение народа, однако де-факто реальную монополию на управление им получило государство, точнее – его административный аппарат. Сложившаяся при этом система распределения ресурсов приняла постепенно вид многослойной плановой экономики, проникшей во все без исключения сферы народного хозяйства. Ведущую роль в ней, конечно же, вскоре захватила бюрократия, с засилием которой пытались бороться, но, как водится, безуспешно. Культ *вещи* немислим без его наиболее преданных жрецов, коими и являются, собственно, в наше время бюрократы.

Получив экономическую власть, бюрократия тотчас же занялась подменой государственной идеологии собственной, характерной для неё псевдоидеологией коррупции. Духовные цели мало-помалу отмирани вместе с их убеждёнными носителями, подвергавшимися гонениям и репрессиям. Проблески правды, осветившие революционный небосвод, так и не стали предвестниками её рассвета. Очень скоро все производственные и иные коллективы, в том числе и в первую очередь – советы, потеряли всякое реальное право на самоуправление. Вместо коммун с индивидуальными общинными уставами они превратились в типовые рыхлые людские конгломераты, практически не связанные внутри себя и меж собой какими бы то ни было духовными узами кроме тех, которые в обязательном порядке насаждало всё то же государство.

Идеология «вещизма» в Европе и особенно в США в течение XX века самым естественным образом перетекла в культуру неумерен-

ного потребления. Культ *вещи* и *денег*, собственно, и не мог привести ни к чему другому. В странах Советского блока, тем временем, личное потребление было ограничено системно. Вследствие этого, в реализации советской идеологической модели наблюдалось глубоко укоренённое противоречие, отсутствовавшее на Западе. Культ богатства, процветания, изобилия, тщательно создававшийся при помощи государственной пропаганды, относился у нас прежде всего к самому государству, а не к его гражданам. Принадлежавшие частным лицам *вещи* и *деньги* были даже отчасти табуированы, обладание ими, особенно их излишками, считалось несправедливым и постыдным идеологически, однако желательным и почётным с бытовой, обывательской точки зрения. Здесь, как и во многом другом, отчётливо просматривалось лицемерие западного образца, столь противное коренным носителям идеи русской правды.

Вскоре же после Октябрьской революции многим бескомпромиссным приверженцам советской власти пришлось жестоко разочароваться в установленных ею порядках. В полном соответствии с давнишней традицией, власть оказалась вынужденной вновь прибегнуть к самым суровым мерам принуждения, которые, как и во времена Петра Великого, жёстко сломили внутреннее сопротивление гражданского общества. Привнесённая извне идеология установилась на государственном уровне, но так и осталась поверхностной, а под ней, в глубине народного сознания, продолжала тлеть неоформленная собственная идея, исподволь искавшая путей для своего воплощения в новой экономической и политической обстановке. Благодаря ей советский народ побеждал в Великой Отечественной войне, осваивал целинные земли, строил развитую промышленную страну и сохранял долговечный мир между народами в огромной многоязычной стране.

В довоенные годы и особенно в годы войны народной идее удавалось ещё отчасти влиять на идеологическую систему государства, остро нуждавшегося в подлинной, живой объединяющей силе. Но продолжения этого процесса, к сожалению, не последовало из-за постепенно усиливавшегося бюрократического гнёта. Бюрократы, не привыкшие верить ни во что, кроме денег, превратили официальную идеологию в догму, законсервировали её, оградив от любого внешнего влияния и тем окончательно умертвив. В результате, бурные общественно-духовные процессы, наблюдавшиеся в советском обществе в 50-е и 60-е годы XX века, прошли даром. Инициативное творчество масс было проигнорировано и даже осуждено. Отчаявшись найти отголоски справедливости наверху, мыслящие люди вновь обратились к народу, к его жизни и где-то в глубине её сокрытой извечной сакральной русской правде.

Появилась целая плеяда великолепных писателей-деревенщиков: Фёдор Абрамов, Виктор Астафьев, Василий Шукшин, Валентин Распутин и многие другие мастера поздней советской прозы, ставшие совестью своей эпохи. Следом за ними по стопам полузабытых народников шли в мучительных поисках подлинной России выдающиеся художники: Аркадий Пластов, Виктор Иванов, Пётр Смолин...

А в стране уже назревал застой – верный предвестник будущего кризиса. И когда этот кризис настал, люди, пришедшие к власти, поступили точно так же, как поступали все их предшественники на протяжении более чем тысячелетней истории российской государственности. Они в очередной раз позаимствовали готовую «рабочую» идеологию на Западе. Только на сей раз эта жестокая индивидуалистическая идеология прибыли, наживы и капитала оказалась уже совершенно, можно сказать – категорически несовместимой с внутренней русской идеей. В отличие от христианства, гуманизма и марксизма, современная государственная идеологическая модель Западного мира практически лишена духовной составляющей. Её, пожалуй, даже нельзя назвать настоящей идеологией в строгом смысле этого слова. В ней нет ни малейшего места для русской правды, и русский народ, придавленный и сокрушённый её паровым катком, стал понемногу терять свою веру. Духовный кризис, переживаемый ныне Россией, беспрецедентен по своей глубине. Впрочем, точно такой же кризис, только ещё более безнадёжный, переживает теперь и сам Запад.

Хотелось бы нам того или нет, но мы до сих пор ещё находимся в одной упряжке с Западной цивилизацией и продолжаем тянуть с ней в одну сторону. Таковой уж оказалась судьба нашего народа. И поскольку у нас недостаточно ныне собственных внутренних духовных сил для того, чтобы сорваться с привязи и начать прокладывать свой собственный путь в истории, остаётся лишь ждать и надеяться на будущее. Что-то оно готовит для нас?

VIII

Идеологически Западная цивилизация давно пребывает в тупике. Причина его состоит, разумеется, не в том, что Европа, как некогда предсказывалось, подошла наконец к логическому концу своего многотысячелетнего развития, «состарилась» и должна теперь уступить своё ведущее место новым, более молодым народам. Эта многократно раскритикованная и подвергнутая едким насмешкам точка зрения, выдвинутая немецким философом Освальдом Шпенглером более ста лет назад, оказалась, по-видимому, в самом деле несостоятельной.

Вместо подъёма и возвышения отдельных региональных культур, несущих миру передовые идеи, мы наблюдаем сегодня всё более усиливающуюся глобализацию, ставящую, кажется, уже под сомнение самую дальнейшую перспективу существования национальных государств в том замкнутом, обособленном виде, в каком мы привыкли их видеть и понимать.

Возникновение этих государств, начавшееся в Европе сравнительно недавно, (не ранее XVI века), сыграло свою позитивную роль в истории континента и всего человечества. Но на сегодняшний день реализованная в них политическая форма организации общества явно устарела, стала помехой для развития не только экономики, но и культуры народов, живущих в рамках единого цивилизационного поля. Для преодоления этих ненужных и вредных барьеров Европа вынуждена была взять курс на взаимную интеграцию, что привело в итоге к созданию Европейского Союза. Неожиданный успех объединения, опровергший все самые худшие опасения пессимистов, создал условия для формирования нового цивилизационного ядра, вокруг которого сможет происходить дальнейшее расширение политико-экономической коалиции. Эта объединённая структура будет, вне всякого сомнения, претендовать на роль ведущего драйвера будущей мировой глобализации. Однако способна ли нынешняя Европа стать не только экономическим, но и духовным центром притяжения, вовлекающим в орбиту своего влияния всё новые и новые народы?

Экономически страны Запада безусловно очень сильны, но экономическая мощь, используемая отдельными странами или группами стран для поддержания своего доминирующего положения в мире, почти неизменно превращается в оружие. Даже если предположить, что экономическое влияние используется для самых бескорыстных и благородных целей, принуждение, основанное на материальной зависимости, всегда вызывает протест, неприятие, отторжение со стороны тех, к кому оно применяется. Таким образом, искусственное ускорение глобализации при помощи политического шантажа, денег и технологий неизбежно перерастает хотя и в бескровную, но всё же реальную империалистическую войну за сферы влияния и захват колониальных рынков. Идеология не играет при этом почти никакой роли. Вместо неё используется открытая и часто весьма хитроумная пропаганда, искусно закамуфлированная под какую-нибудь донельзя простую и, разумеется, фальшивую идею служения.

К счастью, своекорыстные попытки оседлать глобализационную волну и управлять ею при помощи привычных финансовых методов скорее всего обречены на провал, так как стихийная глобализация, которую

мы наблюдаем сегодня, представляет собой не столько экономический, сколько культурный процесс. В силу относительной материальности денег и технологий их трансграничное движение сильно затруднено по сравнению с движением идей. Один из главнейших проводников глобализации – средства массовых коммуникаций – давно уже перешагнули территориальные барьеры национальных государств. Во многом благодаря им человеческое общество становится всё более однородным, происходит взаимное проникновение культур, унификация традиций, обычаев, образа жизни. Каждый год с лица Земли исчезает несколько десятков малых языков, не способных выдерживать конкуренцию с общемировыми. Чем дальше, тем менее различается облик больших городов независимо от континента, на котором они расположены, так же, впрочем, как и облик самих горожан: их одежда, причёски, манера держать себя на публике, говорить, жестиковать. Повсеместно в мире растёт урбанизация и связанная с ней мобильность населения.

Глядя на эти и многие другие процессы стихийной культурной интеграции, трудно отделаться от мысли, что человечество взяло курс на глобальное объединение не по чьей-то воле, а исходя из исторической целесообразности, которой нельзя противостоять. И это движение шло бы гораздо успешнее, если бы его не пытались подстёгивать искусственно те, кто мечтает об укреплении национального могущества в ущерб общечеловеческим интересам. Ни одно национальное государство, какую бы про-глобализационную риторику оно ни вело, не может быть заинтересовано в истинном объединении мира на условиях всеобщего равноправия. Его интересуют только собственные выгоды, чужие ресурсы и потенциальные рынки сбыта.

Таким образом, как бы парадоксально это ни звучало, Европа и США, открыто и порой назойливо ставящие себя в центр глобализационных процессов, на самом деле препятствуют ходу подлинной низовой глобализации. Стремясь сохранить своё доминирующее положение в мире, они намеренно затрудняют международную торговлю, нарушают начавшее складываться всемирное разделение труда, которое могло бы привести к гораздо более справедливому и целесообразному использованию природных ресурсов Земли, не говоря уже о человеческих ресурсах.

Гегемония какой-либо нации, государства или даже цивилизации несовместима с глобалистическими тенденциями, наметившимися в планетарном масштабе. Либо гегемония будет в конце концов опрокинута, либо глобализация остановится и обратится вспять. Что окажется сильнее: воля отдельных людей к могуществу или движимый закономерной необходимостью естественный ход истории? Это, конечно же, как всегда, покажет время.

Что же касается официального идеологического влияния, исходящего с Запада, то на сегодняшний день оно носит в основном пропагандистский характер. Походя скроенная из обрывков прежних служебных идей *неомифология* подменила высокие духовные ценности грубыми материальными фетишами. Лишь одно счастливое обстоятельство предотвратило тотальную духовную дезинтеграцию западных обществ. Долго формировавшаяся в недрах гуманизма индивидуалистическая культура способствовала тому, что личность на Западе стала рассматриваться как нечто сакральное, самодостаточное и неприкосновенное. Это позволило личности сохранить духовную автономию, на которую не посягало ни государство, ни церковь, ни какие бы то ни было иные официальные инстанции. Внутренняя свобода думать всё, что угодно до тех пор, пока соблюдаешь внешне всё то, что предписано, стала отдушиной, сквозь которую стала просачиваться творческая энергия масс в то время, когда все другие пути для её общественно-полезной реализации оказались закрытыми.

Передовые западные общества, доведённые длительным культом *вещи* до состояния крайнего разобщения, выработали внутри себя своего рода *культурный клейстер*, предотвративший их неминуемый распад. Дело духовного объединения взяли на себя одиночки: музыканты, художники, писатели, битники, хипстеры, гуру, члены различных неформальных объединений и пр., и пр. Каждый из этих безусловно талантливых людей вносил свой маленький индивидуальный вклад в формирование культуры, продолжавшей вследствие этого жить и даже развиваться в полном отрыве от высшей идеологии.

Примитивный *вещизм* оказался вписанным в необозримо широкую сферу идеологической эклектики и растворился в ней почти без остатка. Но он не исчез совсем. Текущая идея второго порядка сохранилась, так как была поставлена на службу государству. При этом она, как водится, омертвела, предвещая застой и последующий кризис. Длительная отсрочка кризиса, отодвинувшая его на многие десятилетия, есть несомненная заслуга *массовой культуры*, которая смогла развиваться автономно от идеологии более высокого порядка благодаря тому, что по своей природе и по своему названию она является средством для выражения живого творчества масс – единственного неисчерпаемого духовного источника, имеющегося в наличии у человечества.

Возникновение массовой культуры ознаменовало собой важнейший сдвиг в области идеологии со времён европейского Возрождения. Формирование служебной идеи перестало быть прерогативой элит и духовенства, став делом всего народа. Само собой разумеется, что власть не могла оставить столь важный процесс без вмешательства,

вследствие чего со временем он оказался насыщенным изрядной долей пропаганды, коммерциализировался и начал мало-помалу затухать. Массы оказались отрезанными от большинства каналов, использовавшихся ими для стихийного самовыражения. Этот удар отчасти смягчило появление Интернета, но и он, как следовало ожидать, всё более и более подвергается цензуре и разного рода ограничениям. Массовая культура постепенно перестаёт быть массовой по существу своего происхождения, но её необычайный феномен заслуживает самого пристального внимания.

Очевидно, что комплекс идей третьего порядка, объединённый в служебную идею, способен развиваться самостоятельно даже в периоды застоя. Основанная на нём идеология при этом лишена глубины, ей вовсе не свойственен формализм, но это отнюдь не значит, что всякие попытки понять и как-то систематизировать её бессмысленны и бесполезны. Массовая культура XX века, как отдельно стоящий идеологический феномен, легла в основу философии *постмодернизма*, нашла в нём своё естественное и вполне адекватное выражение. Но любое стремление построить на этом «урезанном» фундаменте настоящую многоуровневую идеологию было заранее обречено на неудачу. Только высшие идеи обладают способностью генерировать низшие. Сами по себе служебные идеи бесплодны. Они в состоянии временно выполнять объединяющую функцию, консолидирующую общество, но чего-то большего от них ожидать не приходится. Истинные идеологии возникают в результате коренных изменений в жизни мира и человека. Они представляют собой объективную историческую необходимость. Выдумать их нельзя.

Массовую культуру, однако, рано ещё окончательно списывать со счетов. Она, разумеется, заведомо не годится для того, чтобы вывести народы Европы из духовного тупика, но это единственный пока ещё остающийся у нас живой, подвижный элемент идеологической системы, способный каким-то образом реагировать на перемены, происходящие в жизни общества.

Да, действительно, судя по всем приметам, Западная цивилизация, включая Россию, переживает ныне глубокий духовный застой. Наши стагнирующие культуры и мы, их носители, всё ещё движемся кое-как по инерции, соблюдая в общих чертах ту траекторию, которая была заложена первыми гуманистами на заре Нового времени и отчасти скорректирована в эпоху Просвещения и во времена Промышленной революции. Все многочисленные потрясения XX века, все эпидемии, войны, восстания и перевороты так и не смогли решительно сдвинуть нас с этого пути. Когда же мы с него наконец сойдём, что вынудит нас к этому?

Может быть, это будет то чрезвычайно быстрое ускорение вычислительно-информационного прогресса, которое началось лавинообразно в начале XXI века. Правда, пока что оно происходит в значительном отрыве от духовного и, как это ни странно, интеллектуального развития людей. Но в целом в данных условиях возникновение новой идеи второго порядка или, по крайней мере, её значительная модификация кажется неизбежной, ведь сдвиги в идеологии всегда непременно следуют за коренными изменениями в жизни общества.

Впрочем, так ли уж значительны эти изменения в ракурсе базовой социальной действительности? Ведут ли все нынешние технические нововведения к какой-либо принципиальной перестройке в сфере общественной организации?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно просто понаблюдать со стороны за тем, как внедряются в жизнь новые информационные технологии. Беспристрастному зрителю сразу же станет ясно, что их разработка и повсеместное насаждение требуют колоссальных капиталовложений, доступных только богатым государствам и крупным транснациональным компаниям. В чём же заинтересованы в первую очередь государства и компании? Первые – в сохранении существующих в них режимов, вторые – в увеличении прибыли. Таковы основные двигатели информационной революции. Следовательно, при всей своей новизне и небывалости, цифровые технологии служат прежде всего консервации существующих порядков. Их первейшая цель – усиление социального контроля.

Тем не менее, настойчиво промоутируемая сверху и постоянно углубляющаяся интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь и быт людей оказывает значительное влияние на массовую культуру. В немалой степени этому способствуют электронная коммерция, реклама, маркетинг, государственная пропаганда, введение разного рода безальтернативных цифровых услуг и т. п.

Огромные перемены в сознании людей породил побочный продукт военных исследований – Интернет. С его появлением очень быстро и радикально изменились модели человеческого поведения, не менявшиеся тысячелетиями: общение, коммуникации, способы поиска и анализа информации, само мышление, ставшее более образным и менее систематическим. Ирония заключается в том, что средство консервативного контроля обернулось также и средством глубокой трансформации общественного сознания. Этот внутренний сдвиг ещё не выразился внешне в форме коренной перестройки доминирующей ныне модели социума. Но это, как кажется, лишь дело времени.

Старая троичная идеологическая модель гуманизма, несколько раз претерпевавшая изменения до того, как признать к середине XIX века *вещь* и *деньги* в качестве основного инструмента для совершенствования мира и человека, начинает меняться вновь. Но теперь вместо *вещи* в самом широком понимании этого слова, средством становится *мыслящая вещь* – *машина*.

IX

Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать тот факт, что культ *вещи* так и не привёл к качественно значимому росту духовного уровня людей. Люди стали несомненно более обеспеченными, образованными, менее зависящими от обстоятельств и превратностей судьбы. Но вместо того, чтобы приблизиться к вечному и нетленному, слиться всем вместе в духовном родстве с бесконечным космосом и природой, общество разделилось, фрагментировалось и погрязло в грубом материальном потребительстве. Средство, данное в виде *вещи*, оказалось слишком простым и понятным. Вследствие этого оно очень скоро само превратилось в цель, вытеснив из умов обывателей все духовные цели, ставшие лишними, надстроечными и в конечном итоге irrelevantными. Произшедшая подмена ценностей поставила человеческое счастье в зависимость от количества накопленных богатств. И коль скоро в условиях капитализма распределение материальных благ происходит крайне неравномерно, счастье стало весьма дорогим и редким товаром.

Потребление всякого товара всегда подчиняется определённой логике, реализованной в экономической системе управления материальными потоками. Особенно это касается товаров массовых, незаменимых, пользующихся постоянным устойчивым спросом. Нынешнее устройство экономики, основанное на всеобщей конкуренции и, как следствие, обеспечивающее и поддерживающее материальное неравенство, приводит к тому, что «торговля счастьем» безостановочно плодит огромное количество глубоко несчастных людей. Сколько бы ни было у человека денег и вещей, они составляют лишь каплю в море тех несметных богатств, которые доступны человечеству в целом. Нельзя накопить бесконечное количество материальных объектов, поэтому стяжательство так сильно увлекает и так мало удовлетворяет душу, стремящуюся к вечности. Недаром ещё в Евангелии от Матфея было сказано: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5, 6). Только духовная пища способна насытить вечно страждущую душу человека, дать ей внутренний мир, покой и счастье. Всё, что не есть правда, только раздражает духовный аппетит, приводит к неудовлетворённости, отчаянию и разочарованию.

Прошли века, тысячелетия, а человечество в целом так и не доросло пока до осознания этой простой, давно и хорошо известной истины. Не приняв её, оно всё более отчаивается и разочаровывается, теряет веру в себя, в природу и в совершенный идеал. Во что же ещё остаётся верить? Естественно, в то, что не есть ни природа, ни человек, ни бесплотный идеал, то есть в машину. Машина неподкупна. Машина беспристрастна. Машина безгрешна. Машина безупречна. И вот, *мыслящая машина* становится вдруг суррогатом совершенства.

Бессмысленность и ошибочность подобных умозаключений кажется более чем очевидной. Машина – это всего лишь вещь, её алгоритм – продолжение и следствие человеческой мысли. Мир, управляемый машиной, не может быть раем даже в том случае, если в нём будет обеспечено сравнительно более справедливое распределение материальных благ. Даже если мы посредством тотального контроля над обществом при помощи машин искореним коррупцию, преступность, отменим постыдную бедность и вопиющее неравенство, мы ни на шаг не приблизимся ко всеобщему настоящему человеческому счастью. Счастье невысказано без свободы.

Нынешние политические элиты, остро чувствующие угрозу стихийной «низовой» культурной глобализации и всячески противящиеся ей, видящие в ней – вполне справедливо – угрозу своему могуществу, вряд ли мыслят будущее царство машин как территорию всеобщего счастья. В их представлении это должна быть скорее цифровая тюрьма, вернее – система тюрем, призванная законсервировать отмирающие социальные институты национальных государств.

Вера в машину может показаться наивной, но она всё-таки имеет под собой некоторые логические основания, по крайней мере в пределах той извращённой системы ценностей, которая присуща бюрократическому мировоззрению. Коррупцированный бюрократ, в силу собственного жизненного опыта и многолетних наблюдений за ближайшим деловым окружением, которое состоит в основном из таких же бюрократов, как он сам, не в состоянии признать, что в мире существуют по-настоящему честные и порядочные люди. С его точки зрения, истинной внутренней цельностью (и ценностью) могут обладать лишь неодушевлённые вещи. Только им можно доверять. Вот он и доверяет, нередко слепо, без малейшей оглядки, компьютерам, забывая, что контролируют и программируют их всё-таки люди. Не смущает его и тот факт, что число киберпреступлений, совершаемых в мире при помощи электронно-вычислительной техники, давно превысило количество всех остальных правонарушений вместе взятых. Да и сам он, конечно же, в первую очередь претендует на управление государственной машиной. Ему, разумеется, невдомёк,

что, в сущности, современные государства уже сыграли свою роль на исторической сцене, создали необходимые условия для реализации очередного витка прогресса человечества и теперь постепенно приходят в упадок, разьедаемые бюрократией и коррупцией. Их сохранение в неизменном виде становится препятствием для дальнейшего развития мира в новой глобалистической парадигме.

Национализм сегодня есть явление в глубочайшей степени реакционное. Соперничество могущественных государств оборачивается колоссальными убытками для их экономик, наносит непоправимый ущерб окружающей среде, ведёт к бесконечным конфликтам, войнам, бессмысленным спорам за мировое влияние и территорию, к консервации и усилению имущественного и правового неравенства людей. Чем вообще можно оправдать сегодня существование национальных границ, кроме инерции традиционного мышления? Большинство современных «независимых держав», запертых в собственных узких пределах, не в состоянии жить автономно. Их экономический, а, следовательно, и политический суверенитет – не более, чем иллюзия. У многих из них не останется собственных средств и ресурсов даже для того, чтобы обеспечить хотя бы кратковременное физическое выживание населения, не говоря уже о долговременном поддержании такого уровня жизни, который соответствовал бы общепринятым нормам сегодняшнего дня. Лишь очень немногие страны могут похвастаться ныне автаркией, да и то скорее в теории. На практике же неуклонное развитие международной торговли постепенно размыло фундамент границ, трудовая миграция сделала их легко проницаемыми, унификация всемирного информационного пространства пробила в них громадные культурные бреши.

Единение мира происходит пока что исподволь, снизу вверх, но эта тенденция, по-видимому, исторически обусловлена и вследствие этого необратима по крайней мере до тех пор, пока не обратятся вспять или не исчезнут те условия, которые вызвали её к жизни. Замедлить прогресс низовой глобализации может разве что какая-нибудь всемирная катастрофа. Но грядущее исчезновение национальных государств, состоится ли оно в результате очередной масштабной войны или произойдёт постепенно эволюционным путём, кажется сегодня неизбежным. Что придёт им на смену, покажет будущее, однако с точки зрения идеологии это будет конечно же нечто совершенно новое.

Можно только гадать относительно того, как и во что преобразуется европейская идея второго порядка в мире постизоляционизма. Сохранится ли, например, её нынешняя троичная структура? Учитывая интегративный, объединяющий характер глобализации, не навязанной сверху очередным имперским захватом, а добровольной, орга-

нической, впору предположить, что состав ключевой идеи претерпит серьёзные изменения. Наряду с природой и человеком в неё, вероятно, войдёт и какой-то глобальный символ единства: общество, мир – как совокупность людей, или, быть может, нечто иное, обладающее открытым надличностным и надматериальным потенциалом к совершенству. В таком случае, в центре идеи служения принцип всеобщей конкуренция должен будет уступить место принципу сотрудничества. Общественная иерархия при этом, конечно же, не исчезнет, сохранится и характерное для неё неравенство, которое нельзя искоренить, поскольку оно есть следствие одного из фундаментальнейших законов природы. Жизнь и равновесие несовместимы. Однако степень неравенства, прежде всего – имущественного, должна будет вероятно существенно уменьшиться.

Стихийная глобализация, вне всякого сомнения, способна создать необходимые условия для зарождения по-настоящему революционной идеологической парадигмы, которая сменит давно уже выдохшийся гуманизм. Однако с точки зрения экономики и политики этот процесс станет плодотворным только после того, как народные массы осознают и сформулирует новую идею служения. Более чем вероятно, что на этом пути человечество встретит множество препятствий, связанных с преодолением инерции прошлого. Правда уже сегодня мы наблюдаем пример успешного объединения национальных государств, сформировавшихся в недрах единой цивилизации. Европейский Союз наглядно доказал жизнеспособность добровольного политического и экономического сообщества народов, связанных общей идеей. Его внутреннее устройство ещё весьма далеко от совершенства, однако при сохранении нынешних тенденций Европе, по-видимому, всё-таки суждено оказаться одним из центральных ядер будущей глобализации. Другие ядра будут тем временем формироваться вокруг иных мировых очагов культуры.

Вряд ли стоит рассчитывать на полное единение мира в сколько-нибудь обозримой перспективе. Глобализация представляет собой открытый процесс, не имеющий собственной цели. Это всего лишь один из симптомов приближающегося великого сдвига в общественном сознании человечества. Его последствия будут определяться теми, кто быстрее других сумеет понять, принять, осмыслить и поставить на службу себе и обществу новую идеологию.

Что же будет при этом с Россией? Сойдёт ли она, наконец, со внутренне чуждого ей, но столь необходимого, столь удобного европейского пути? Другими словами, станет ли она наконец интегральной, полноправной частью Европы, примкнёт ли к ней безоговорочно, потеряв окончательно свою культурную самобытность? Ответ на этот вопрос

будет во многом зависеть от того, сможет ли наш народ оседлать волну перемен, преодолеть навязанный ему извне комплекс неполноценности и сформировать свою – мощную и современную – идеологическую модель, вокруг которой начнётся добровольное, взаимовыгодное, дружественное объединение народов.

Можно, конечно, ещё подождать и потом опять догонять уходящий вперёд европейский, китайский, латиноамериканский или ещё какой-нибудь поезд. А можно уже теперь начинать создавать долгожданную, выстраданную веками русскую цивилизацию. Сейчас для этого настал, пожалуй, самый подходящий момент. *Наша* идея правды очень созвучна идеям нарождающегося глобализма. Тот, кто первый подхватит её и построит на ней свою идеологию, а значит и жизнь, и политику, и экономику, получит реальный шанс сделаться одним из передовых локомотивов нового мира.

Препятствия, которые нужно будет для этого преодолеть, велики. В первую очередь нам придётся пожертвовать национальным государством. Сегодня это звучит, быть может, даже кощунственно, но разве не столь же кощунственно звучали некогда проповеди Христа, обращённые к язычникам, или слова Джордано Бруно на суде венецианской Инквизиции? Не избавившись от современного *tuna* государства, мы никогда не сможем преодолеть присущего ему чудовищного явления в виде бюрократии с её квази-идеологией – коррупцией, разрушающей всё: личность, общество, мир, наше общее будущее. Речь не идёт об отказе от национальной культуры, литературы, искусства, от всех столь трепетно хранимых народом древних отеческих традиций. Как раз наоборот, их-то и нужно поставить во главу угла новой служебной идеологии! Но, как и всякая истинная идеология, она должна будет принять такую форму, чтобы с лёгкостью выйти за пределы национального, сделаться понятной, доступной и привлекательной для представителей самых разных народов, самых различных культур.

Речь не идёт также и об отказе от суверенитета. Нам нужно только серьёзно переосмыслить содержание этого понятия исходя из условий сегодняшнего дня и, разумеется, дня завтрашнего. Когда независимость власти ведёт к её полной неподотчетности, а право нации на самоопределение входит в прямое противоречие с принципом территориальной целостности государств, когда при формально провозглашённом верховенстве народа всеми делами в стране заведуют бюрократы, действующие в собственных интересах, когда, наконец, мировое распределение товарного производства и добычи ресурсов делает обособленное существование стран практически невозможным, валидность употребляемого ныне термина «суверенитет» приходится поневоле подвергнуть сомнению.

Зарождение «суверенных» национальных государств в эпоху Средневековья стало прямым следствием возникновения и развития капиталистических отношений. Постепенное размывание и поэтапное исчезновение замкнутых государственных образований современного типа, следовательно, должно сопутствовать упадку или по крайней мере очень существенной трансформации капитализма. Глобальная капиталистическая система безусловно обречена, поскольку заложенная в её основу идея о непрерывном росте экономически несостоятельна в виду заведомой ограниченности природных ресурсов.

Существенными локальными ограничителями для дальнейшей культурной глобализации мира будут служить все имеющиеся на сегодняшний день разновидности националистических идеологий, местами весьма глубоко внедрённые в массовое сознание. Сильно и, может быть, намеренно заблуждаются те недалёкие люди, движимые ханжеским высокомерием, которые стремятся выставить агрессивно проявляемый национализм чем-то диким, варварским, каким-то уродливым атавизмом на теле современного общества, который когда-нибудь сам отомрёт. Явление это, очень хорошо и подробно исследованное и всё-таки плохо понятое, нуждается в отдельном рассмотрении, для которого в данной работе, к сожалению, нет места. Достаточно будет сказать, что деление на своих и чужих, определяющее характер служебных идей национализма, восходит к представлению о возможном совершенстве человека, по крайней мере – отдельной группы людей, принадлежащих к той или иной национальности. Следовательно, истинный национализм представляет собой настоящую стратифицированную идеологию, объединяющая и вдохновляющая сила которой чрезвычайно велика. Недооценивать её, пытаться не обращать на неё внимания, стыдливо заметить её под ковёр, значит играть с огнём.

Вследствие многих препятствий и трудностей, стоящих на пути глобализма, торжество его наступит, вероятно, не скоро. Дорога к нему будет долгой и трудной. Необходимой и может быть самой ключевой задачей, с которой столкнутся люди будущего, станет выработка новой экономической модели взамен капиталистической. Работа в этом направлении, впрочем, ведётся уже давно, но её прогресс в последние годы был существенно замедлен последствиями краха социалистической экономики советского образца. В полном соответствии с капиталистическим мировоззрением, всюду видящим состязание, социализм был объявлен проигравшим, не выдержавшим конкуренции и, следовательно, ущербным, дефектным, бесплодным. Ущербная логика здесь налицо, но пропаганда, как известно, вовсе не требует строгих логических умозаключений. Логика – её худший враг. Под лицемерные проповеди лукавых апологетов

свободного рынка и звон пропагандистских колоколов в общем-то сильный ребёнок социалистической экономики был поспешно выплеснут из купели вместе с водой.

Советскую модель народного хозяйства в том виде, в котором она существовала на практике, конечно, нельзя признать совершенной, но успехи её, достигнутые в чрезвычайно сложных обстоятельствах, всё-таки не могут не впечатлять любого непредубеждённого исследователя. Рано или поздно численно растущее население мира обязательно достигнет того предела, за которым произвольное, никем не контролируемое накопление индивидуальных богатств делается невозможным из-за скудости почв, недостатка воды, дефицита энергии, истощения запасов нефти, газа, древесины, ископаемых минералов. Эра изобилия закончится, и тогда плановая экономика останется единственным верным средством для обеспечения всеобщего выживания. У неё попросту не будет иной альтернативы. Значит, советский опыт был проведён не зря. К нему ещё, по-видимому, не раз придётся обращаться если не нам, ныне живущим, то нашим не очень далёким потомкам.

Что же касается идеологии будущего, то она, как всегда, будет двигаться вслед за жизнью. Не исключено, что в служебной идее общественное возьмёт приоритет над личным, сотрудничество – над конкуренцией. Национальная принадлежность станет культурным признаком, а не юридическим. В соответствии с этим изменится представление о социальной справедливости: вместо равных, но заведомо нереализуемых большинством населения возможностей будет наконец обеспечено равенство всеобщей принадлежности к единому делу, равенство одинаковой ценности каждого отдельного человека. Содержание права придёт в значительно большее соответствие с нормами морали. Ускорится взаимное проникновение обособленных культур и постепенное слияние близких, принадлежащих к одному и тому же цивилизационному полю. Вследствие всех этих и многих других параллельно идущих с ними процессов в корне изменится взгляд людей на мир, на общество, на самих себя.

Всё это может быть слишком похоже на сказку, на розовую мечту о грядущем рае, о мифическом Новом Иерусалиме. Что же, пусть будет так. Если нет другой веры, то во что ещё остаётся верить, как не в светлое будущее? Многие из тех, кто жил до нас, верили когда-то и в рай, и в утопию, и много ещё во что. Эти-то искренно верующие люди, знаменитые и безвестные мечтатели, и создают живые идеологии, без которых немислимо человеческое счастье.

Декабрь 2025 г.

Издание распространяется в электронном виде.

Верстка и оформление: Косарев Э. Ю.

Дата подписания: 16 декабря 2025 г.

Дата публикации на сайте www.ugoloksveta.ru: 23 декабря 2025 г.

Объём цифровой информации 2,56 Мб

Формат электронных страниц 60x90/16.

Авторских листов 3,35.

Электронная почта для справок, отзывов и предложений:

kosarev@ugoloksveta.ru

